

The background of the entire page is a dark, atmospheric photograph. It features a large, multi-towered castle with conical roofs and crenellations, perched on a rocky, forested cliff. Behind the castle is a massive, bright full moon. Several birds are shown in flight against the moon and the dark sky. In the upper right corner, the dark, gnarled branches of a tree hang down. The overall mood is mysterious and slightly ominous.

НИНА ДИТИНИЧ

**ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК С
ВИДОМ
НА ПРОПАСТЬ**

Нина Дитинич

**Воздушный замок с
видом на пропасть**

«Автор»

2023

Дитинич Н.

Воздушный замок с видом на пропасть / Н. Дитинич — «Автор»,
2023

Александра всегда была прагматичной реалисткой, поэтому не побоялась снять давно заброшенный особняк, который пользовался дурной славой. Ходили слухи, что прежние хозяева погибли при загадочных обстоятельствах, а в доме обитают призраки. Александра верила лишь в то, что из-за нелепых домыслов цена на аренду понизилась. Но после того, как она узнала о существовании клада, который спрятан где-то в доме, судьба артиста Альберта Барятьева и его жены Наденьки Александру заинтересовала. И теперь из дома она не уйдет, даже несмотря на то, что клад действительно охраняет самый настоящий призрак.

© Дитинич Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Переезд в загадочный дом	7
Глава 2. Краткая история особняка и его хозяев	9
Глава 3. Гадание	11
Глава 4. Завидный жених	13
Глава 5. Любовь похожая на сон	15
Глава 6. Борьба за сына	18
Глава 7. Странная выходка певицы Марфы Байзюк	20
Глава 8. Фиаско Юлии	23
Глава 9. Неожиданная находка	26
Глава 10. Нежданное счастье	28
Глава 11. Марфа рассказывает о доме	30
Глава 12. Между раем и адом	33
Глава 13. Разбитые в прах мечты	36
Глава 14. Неприятности Марфы Байзюк	39
Глава 15. Исповедь Марфы	41
Глава 16. Крах семьи Марфы Байзюк	44
Глава 17. Любопытная незнакомка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нина Дитинич

Воздушный замок с видом на пропасть

Пролог

*Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...
Игорь Северянин
Не будем говорить о любви, потому что
мы до сих пор не знаем, что это такое.
К.Г.Паустовский*

Покрытый мхом столетий старинный особняк с колоннами врос в землю тихой улочки Замоскворечья. Много повидал он за двести лет. Из—под облупившейся известки местами рдела древняя кладка кирпичей. Черные провалы окон пугали непроницаемой, тревожной тьмой, и мало кто осмеливался подняться по стертым, мраморным ступеням к двустворчатым дверям с увесистым медным, изъеденным зеленою кольцом.

Заброшенный дом внушал местным жителям необъяснимый страх, и его невольно обходили стороной. Всего год назад здесь кипела жизнь, но странная гибель молодой женичины, а вскоре и смерть ее мужа изменили все. Трагедия прибавила зловещего флера особняку и даже наследники умерших хозяев на пушечный выстрел боялись приблизиться к дому, напоминающему склеп. А уж желающих снять его и вовсе не нашлось, и дом продолжал жить какой—то своей особенной, тайной жизнью, чему немало находилось свидетелей, видевших по ночам внутри странный блуждающий свет, а некоторые, особо впечатлительные сквозь запыленные стекла окон ухитрялись разглядеть призраков, выглядывающих из—за штор.

Гуляя с собакой, Александра частенько бродила вдоль забора, окружавшего особняк, останавливалась и сквозь решетки разглядывала затейливые украшения фасада. Ей хотелось заглянуть внутрь, почувствовать таинственную атмосферу и встретить хотя бы одно привидение, несмотря на то, что, она как современный, образованный человек понимала — слухи о доме рождены местными жителями, которые за призраков принимают, забравшихся в дом бомжей.

Но сегодня Александре было ни до чего, рука беспокойно сжимала в кармане письмо владельца помещения с отказом о продлении договора аренды. Это был неожиданный, болезненный удар, потому что найти за столь короткий срок другой офис в центре столицы за приемлемую цену было практически невозможно, а снять помещение на окраине — значит потерять состоятельных клиентов. Принимать их в собственной квартире, в которой со дня на день начнется ремонт нереально, тем более что смета на работы строительной фирмой составлена, и аванс уже внесен.

Она судорожно вдохнула, взгляд ее серых, тревожных глаз упал на ворота особняка, и вдруг ее осенило, — «а почему бы не снять этот дом на время, скажем на год, и не обустроить в нем офис, заодно и жилище. Особняк огромный есть куда перевезти мебель и часть вещей на время ремонта». И будучи женичиной активной и решительной, она немедленно принялась за дело и разыскала нынешнего владельца особняка.

Новый хозяин Леонид Петрович Извеков двоюродный брат почившего в бозе известного артиста Альберта Барятьева проживал с семьей в квартире покойного на Пречистенке. И на счастье Александры на встречу согласился охотно и через час уже маячил у ворот особняка.

В ожидании съемищицы дома Извеков – худощавый мужчина лет шестидесяти пяти в темном, старомодном пальто и потертой шляпе нервно озирался, хищно посверкивая стеклами круглых очков. Седыми жесткими смешно торчащими усами он, почему—то напомнил Александре артиста, игравшего роль Кисы Воробьянинова в кинокомедии «Двенадцать стульев», но на этом сходство заканчивалось, как известно герой одноименного романа слыл известным кутилой и промотал состояние жены, а Извеков напротив, показался ей прижимистым, расчетливым человеком. Внутренне чутье не обмануло ее, он оказался необыкновенно жадным типом и загнул такую астрономическую сумму за наем дома, что у нее дыхание перехватило. Но Александра имела не только железную хватку и несгибаемый характер, но и удивительную находчивость. Поторговавшись и увидев, что Извеков не хочет уступать ни копейки, она печально вздохнула и с обворожительной улыбкой изрекла.

– Очень жаль, что вы хотите так много, это безумная цена, вот за половину я бы согласилась.

Извеков упрямо боднул головой воздух и рассерженно промывчал.

– М-м-м-м... об этом не может быть и речи.

Но Александра не сдалась и тихим голосом, с напором, которому позавидовал бы сам великий полководец Суворов, проворковала.

– На вашем месте я бы за счастье сочла такое предложение. Ведь вы же понимаете здесь не за что платить. Особняк запущен, вот-вот развалится и имеет такую дурную славу, что вряд ли кто его снимет. Так и будет стоять гнить, а вы будете продолжать нести убытки за его содержание, а я помимо платы за аренду буду оплачивать коммуналку и приведу этот курятник в божеский вид.

Последний довод показался убедительным, и Извеков с унылым видом согласился. Обоюдно скрепив подписями заранее подготовленный Александрой договор, обрадованная жена получила ключи от дома и попросила хозяина показать покои. Ее удивила реакция наследника. С отворачиванием взглянув на лестницу, ведущую на верхний этаж, он скривился.

– а что тут показывать, сами все посмотрите. Мне некогда, жена ждет, – жалобно проблеял он и ринулся к выходу.

Глава 1. Переезд в загадочный дом

Не теряя времени, Александра в тот же день с мальтийской болонкой и домработницей Зинаидой перебралась на новое место, и допоздна обустраивала на первом этаже кабинет для приема клиентов, потерявших психическое здоровье на полях отчаянного сражения за место под солнцем.

Надо сказать, что психолог Александра Барсова преуспевала на своем поприще, и от клиентов у нее отбоя не было. Пятидесятилетняя, статная брюнетка с хорошей фигурой и с голубыми, словно небо глазами обладала приятной внешностью. А ее спокойный, убаюкивающий голос, проникновенный взгляд и мягкие манеры производили на клиентов магическое воздействие, они поддавались под ее власть, расслаблялись, забывали о стрессах и становились кроткими и спокойными, словно кролики. Визиты к Александре стоили дорого, поэтому ее посещали люди хотя и разношерстные, но состоятельные.

Квартира Александры находилась неподалеку отсюда в многоэтажном доме. Там она проживала в трехкомнатной квартире с болонкой и прислугой сорокапятилетней Зиной. Дети выросли и выпорхнули из родительского гнезда, стали жить отдельно. С мужем они разбежались, и она целиком и полностью погрузилась в работу, которая отвечала ей взаимностью и очень неплохо кормила. Благодаря энергичному, напористому, общительному характеру Александра быстро стала востребованным, высокооплачиваемым психологом.

Заброшенный дом будил ее воображение. Она представляла, какие умопомрачительные ролевые игры с клиентами тут можно проводить, какие тренинги, и, конечно, в глубине ее души таилось любопытство, ей казалось, что дом хранит мрачную загадку. Многим странной показалась смерть обитателей особняка, об этом до сих пор не смолкают средства массовой информации, нет, нет, да и вспомнят о странной кончине молодой жены известного артиста Альберта Барятьева, да и его самого. То, что произошло в этом особняке осталось для всех тайной, а рассказы свидетелей трагедии лишь больше напустили тумана в этом запутанном деле.

Александра не на шутку заинтересовалась этой историей, она выудила в интернете всю информацию о бывших обитателях заброшенного дома, но ясность, того, что же именно произошло с хозяевами этого дома, у нее так и не наступила.

На следующий день они с Зинаидой осмотрели особняк.

При дневном свете в глаза бросилась обильная паутина, свисавшая с потолка. Убранство особняка сохранилось в первозданном виде и если бы не густая, плотная пыль можно было подумать, что хозяева в спешке покинули дом и вот—вот вернуться. На паркете от сырости местами проступила плесень, на полу валялись брошенные вещи. По сути этим особняк сильно смахивал на легендарный «Летучий голландец».

Вооружившись тряпкой и ведром с водой, Зинаида бросилась наводить порядок. К вечеру она стонала от боли в спине, но стойчески закончила уборку.

Домработнице понравилась кухня, переходящая в столовую на первом этаже. Старинный, огромный, резной буфет и овальный обеденный дубовый стол вполне органично сочетались с современной мебелью, бытовой техникой и бронзовыми слегка выцветшими жалюзи.

Пока Зина перетряхивала ящички шкафов, драила до блеска кастрюли и мыла посуду, Александра на втором этаже знакомилась с кабинетами бывших владельцев и библиотекой.

Кабинет бывшей хозяйки дома резко отличался от кабинета мужа рациональной простотой и удобством. Да и размером был значительно меньше. Компьютерный стол с полками у окна, кресло. Рядом пара офисных шкафов, заполненных папками и книгами. Несколько портил вид старый, огромный книжный шкаф, целиком занимавший стену, за которым пряталась

аскетическая оттоманка, застеленная шерстяным, сереньким в клеточку пледом. На столе в красивой металлической рамке фотография мужа. И все хорошенько запорошено пылью.

А вот кабинет хозяина был обставлен антикварной мебелью из карельской березы. «Странно, что такую дорогую мебель наследники оставили в доме», – подумала Александра. – Тем более что господин Извеков произвел на нее впечатление необыкновенно скупого человека. Массивное, оббитое мягчайшей вишневой кожей кресло возвышалось, словно трон у стола и выбивалось из общего стиля утонченной старины. Здесь даже шторы из тяжелого шелка, с кистями являлись произведением искусства и были, специально заказаны по эскизам каталога девятнадцатого века. А у бывшей хозяйки дома Надежды Барятьевой, как и на кухне, окна закрывали жалюзи: серебристые с изящным рисунком, напоминающим веточки японской сакуры.

Спальни женщины выбрали наверху, внизу, несмотря на решетки, ночевать было страшновато.

– Мужичка бы нам хоть одного, – ворчала Зинаида. Ее непослушный, рыжеватый хохолок трепыхался от возмущения. – В таком огромном домище и одни, ну вы даете Александра. Тем более, здесь уже кого-то пришибли, душой чую.

Они находились в кабинете погибшей хозяйки особняка. Портрет худенькой, жизнерадостной женщины с развевающимися светлыми волосами висел на стене. Угол фотографии был перепоясан черной, шелковой лентой.

Маленькая, кругленькая, словно пончик Зина с ногами забралась на оттоманку и с благодушным выражением лица, вязала свитер. Рядом с ней калачиком свернулась болонка и безмятежно похрапывала.

Александра устроилась за столом с ноутбуком и скрупулёзно выискивала информацию о супругах Барятьевых.

– Все-таки не верится, что жена артиста покончила с собой, – пробормотала Александра. – Странная какая—то смерть, неожиданная.

– Смерть всегда странная и неожиданная, – откликнулась Зинаида.

– А я ведь знала хозяйку дома, – кивнула Александра на портрет.

– Да, ну, – глаза Зины загорелись любопытством. – Расскажите.

Александра глубоко вздохнула.

– Собственно говоря, близко мы не были знакомы, но когда гуляли с собаками, общались. Зинаида лукаво прищурилась.

– Тогда выходит я тоже ее знала, мы с ней частенько разговаривали, когда я Альму выгуливала.

– Мне она показалась несчастливой женщиной, у меня даже возникло желание ей помочь, – словно оправдываясь, виновато произнесла Александра.

Удивленно взглянув на хозяйку поверх очков, Зина пробурчала.

– Да, уж, счастливой ее назвать было трудно. Но мне думается, она сама виновата, прислугу распустила, мужа тоже.

– Чем же она виновата? У человека просто был мягкий характер.

– Не виновата, – завелась Зина, – а результат-то какой, сама повесилась, муж умер.

– Может, ее повесили, – усмехнулась Александра.

– Так по телевизору сказали, что сама она на себя руки наложила.

– Даже, если это так, то кто—то же довел ее до самоубийства! – гневно воскликнула Александра, – а это такое же преступление, как и убийство!

Глава 2. Краткая история особняка и его хозяев

Облезшие и засиженные птицами полуразрушенные кариатиды, намертво вцепились в крышу особняка и держали ее уже третью сотню лет. Их глаза зорко наблюдали за происходящим. И надо сказать немало увидели интересного, ах! если бы они могли рассказать!

Особняк построил князь Барятьев в девятнадцатом веке на месте боярского терема, сгоревшего во времена нашествия Наполеона.

Первый владелец особняка – герой войны 1812 года, князь Барятьев происходил из рода знатного и древнего. Прадед его был боярином, комнатным при Иване Великом, присутствовал в тайном совете и при других делах государя, и в делах военных отличился. Но по навету попал в опалу и был прилюдно казнен. А преданная жена боярина больше жизни его любившая, не пережила смерти мужа и руки на себя наложила, повесилась в палатах боярских.

Странное дело, но в доме, построенном на месте сгоревшего терема, трагедия повторилась, только в иной интерпретации. Один из потомков Барятьевых надо сказать человек жестокий и желчный, женился несколько раз. Трех жен извел своим изуверским обращением и вскоре после свадеб они, теньям подобно, ушли в мир иной. А вот четвертая супруга его бесследно исчезла. Слуги меж собой шептались, «мол, задушил барин барыню и где—то в доме замуровал». С тех пор особняк обрел дурную славу. А перед буржуазной революцией и вовсе таинственный, страшный случай произошел, единственный наследник огромного состояния, молодой красавец – повеса внезапно застрелился при загадочных обстоятельствах. Прибежавший на звук выстрела слуга увидел посреди зала, распростертого на полу мертвого хозяина рядом с пустым, черным гробом, неизвестно откуда взявшимся. Никто из прислуги не видел, как гроб попал в дом, хотя из дома никто никуда не отлучался.

После этого обыватели сразу вспомнили, что на месте особняка в незапамятные времена болото было, где немало всякого разного люда погибло. Осушили болото и терем построили, да сгорел он, тоже знак плохой. Сразу поползли слухи по всей округе, что нечистое это место, что дом призраки облюбовали и живут в нем, а живым там места нет. И правда, если приглядеться, то при желании можно было увидеть в облике особняка что—то зловещее, угрожающее и если хотите даже кроважидное.

В советское время много всяких организаций побывало в особняке, а последней, занимала апартаменты союзная контора по снабжению и сбыту каких—то изделий. Сотрудники организации не знакомые с судьбой дома время от времени чувствовали, как бы постороннее присутствие и необъяснимый, безудержный страх, поэтому вечерами старались на работе не задерживаться.

Комнаты и залы особняка были поделены на кабинеты. Фрески на потолках замазаны белой краской и лишь в некоторых местах остались изразцы и великолепная лепнина. И только начальство решилось навсегда избавиться от буржуазной старины и отделать все современным пластиком, как грянула перестройка, контору выселили, а у особняка нашелся хозяин известный артист по фамилии Барятьев.

Альберт Барятьев по материнской линии оказался потомком князей Барятьевых.

Вальяжный, импозантный брюнет, сиянием белизны своей кожи соответствовал своему имени – Альберт, – что в латыни означает белый.

Альберту перевалило за сорок, он был в самом расцвете мужских и творческих сил. Чеканный, мужественный профиль, известность и искрометное обаяние легко покоряли женские сердца, а серьезность и основательность характера внушали поклонницам надежду на постоянство в отношениях и счастливый брак. Но Альберт ни разу не был женат, хотя любовных романов заводил тьму и бывали случаи, когда он даже намеревался узаконить отношения, но почему—то все срывалось в последний момент. И тому была серьезная причина – его

мать, которая с детства была для него идеалом и непререкаемым авторитетом. Белла Борисовна эффектная, изящная брюнетка безумно любила своего единственного сына, и вертела им как хотела. Высокий, под два метра, крупный, статный Альберт с сильным, эгоистичным, своенравным характером терялся перед своей властной маменькой и ни в чем не мог ей противоречить. А уж тем более, если дело касалось такого важного вопроса, как женитьба, ведь даже в малом он не перечил матери, чтобы не огорчать ее.

На его многочисленные любовные похождения она закрывала глаза и иногда даже подсмеивалась над ними, но вот возможность серьезного романа для сына Белла Борисовна даже в мыслях не допускала.

Глава 3. Гадание

на

святки

Подмосковный городок. Зима 1986 год.

Зимняя вьюга, завывая на все голоса, мчала по улицам, засыпая все на своем пути мириадами хрупких, нежных, крохотных, пахнущих озоном снежинок. Закручивала снежные потоки в спирали, подбрасывала ввысь и порывисто со всей силой обрушивала на случайных прохожих, тонущих по пояс в сугробах. Давно зима не проявляла столь яростный характер, давно не баловала изобильными снегами. Маленький, старинный, подмосковный городок потонул в снежной мгле, обезлюдел, и казалось, вымер. Не было видно ни зги.

В занесенных по крышу домах едва теплилась жизнь. Кое-где виднелся робкий дымок из труб. Единственная снегоуборочная машина застряла на дороге и была немедленно замечена снегом.

Шла первая неделя святок.

Под вой рвущейся пурги в занесенные снегом оконца в маленькой комнатухе небольшого домика на окраине городка две старшеклассницы, увлеченно готовились к гаданию.

Поставив на стол длинные белые свечи, Наденька – худенькая девушка с светло—русой косой и великоватым, словно у лягушонка ртом устроилась перед зеркалом. Достала спичку из фиолетового коробка, чиркнула и поднесла к свечам, пламя тревожно заметалось, плавя воск.

Сзади над ней нависла ее подруга, белобрысая Сима веснушчатая девица с длинноватым, унылым носиком и с затаенным страхом наблюдала за манипуляциями Нади.

Захлебываясь от волнения, Наденька тараторила.

– Зря ты Симка здесь торчишь, так суженый не появится, я должна одна перед зеркалом находиться.

– И тебе не страшно? – испуганно промолвила Сима.

– Нисколько, – храбрясь, хихикнула Наденька. – Выйди, я погадаю, а потом ты.

Недовольно вздохнув, Сима исчезла за дверью, прикрыв ее за собой.

Отодвинув зеркало подальше, Надя поставила напротив другое и стала до рези в глазах всматриваться в образовавшийся бесконечный коридор.

Некоторое время она сидела неподвижно. От напряжения в глазах появились слезы, и она уже была готова прервать гадание, как вдруг в глубине зеркала появилось темное, туманное пятно, в котором смутно проявились черты бледного синеглазого, с черными, как смоль волосами мужчины. Медленно приближаясь, изображение стало расти. Громко взвизгнув, она опрокинула зеркало.

В комнату ворвалась перепуганная Сима.

– Чего орешь?! Что случилось?! Что?!

Закрыв лицо руками, Наденька потрясенно прошептала.

– Я жениха своего видела.

– Да, ну, – недоверчиво протянула Сима, – Может, показалось?

Наденька отняла руки от взволнованного личика. Ее лягушачий ротик безмолвно открывался и закрывался. Наконец, она взяла себя в руки и вымолвила.

– Не показалось, я его видела, только лицо было неясное, я испугалась и зеркало перевернула. Это мой будущий муж, я знаю!

Сима насмешливо растянула губы.

– Совсем с ума сошла, привиделось ей. А ну я, дай погадаю, уйди.

Еще не придя в себя от шока, Надя в полубморочном состоянии медленно выбралась из-за стола, и Сима мгновенно заняла ее место перед зеркалом.

– Только ты, пожалуйста, не начинай пока я не уйду, – жалобно пролепетала Надя.

– Хорошо, – не глядя, буркнула Серафима, ей не терпелось повторить эксперимент подруги.

Силы вернулись к Наденьке, и она, словно испуганный воробышек вылетела из комнаты.

Серафима старательно вглядывалась в зеркальную поверхность, но так ничего и не увидела. Отставив зеркало, Сима позвала подругу.

– Ну, что, видела? – спросила Наденька.

Подруга нахмурилась.

– Ничего я не видела. Да и ты не видела, ты все придумала.

– Не веришь? – обиделась Надя. – А я, правда, видела. У тебя просто чувства не такие тонкие, как у меня.

Серафима надулась.

– Мои-то чувства как раз нормальные, а вот ты истеричка, твоя мать говорит, у тебя руки потеют, потому что ты нервная. Вот тебе и мерещится всякая чушь, тоже мне жених ей при见得ся, психическая, – крикнула она и побежала в прихожую. Сорвав с вешалки старое пальтецо, она всунула ноги в валенки и кинулась к выходу.

Глава 4. Завидный жених

1986 год. Москва.

Несмотря на свирепствующую метель, самолет из Италии благополучно приземлился в Шереметьево. Натянув капюшон куртки на голову, Альберт проворно сбежал с трапа. Он только что вернулся из заграничных гастролей.

Мать жила отдельно от сына, она не любила родовой особняк, и сколько сын не уговаривал переехать к нему, не соглашалась.

– Зря ты туда сынок перебрался, – с затаенным страхом крестилась она. – Нехорошая аура у него, смертью от него за версту несет.

Сын снисходительно посмеивался, но особенно не настаивал на ее переезде, все—таки ему без матери было жить вольготнее.

– Не верю я во все эти сказки, к тому же священник все уголки и закутки дома освятил, все вокруг святой водой окропил и с ладаном прошелся везде.

Белла Борисовна печально вздыхала и качала головой.

– Все равно ты меня не убедишь. Слишком много нехорошего связано с этим домом, нельзя в нем жить, тем более тебе его под музей дали, живи здесь.

Муж матери Загоруйко Казимир Иванович, моложавый мужчина с военной выправкой подхватывал.

– Я еще понимаю, сделать музей или театр, а вот жить – там не стоит.

– Зря отказываетесь, – упорствовал Альберт, – дом прекрасный. Небольшой, но славный двор. Отдельное жилье в центре столицы – это фантастика! Что хорошего в многоэтажке? Форменный улей.

Большая квартира с четырехметровым потолком на Пречистенке досталась Белле Борисовне от предыдущего мужа, профессора Белоусова. После его смерти она вновь вышла замуж. Ее новый муж Казимир Иванович военный врач в отставке во всем подчинялся красивой, властной жене, обожал ее и жил по установленным ею правилам.

К приезду Альберта Белла Борисовна приготовила праздничный ужин. Казимир Иванович тоже толкался на кухне, колдуя над фруктовым салатом с грецкими орехами.

Румяный с мороза Альберт, ввалился в прихожую с огромной дорожной сумкой и крикнул.

– Мам, Казимир Иванович, я приехал.

Всплеснув руками, Белла Борисовна припала к груди сына. На Альберта пахнуло ванилью и еще чем-то вкусным печеным.

Открыв сумку, Альберт раздал подарки и плюхнулся на диван.

Счастливая Белла Борисовна вертелась перед зеркалом, примеряя новые наряды. Казимир Иванович с удовлетворением разглядывал привезенные часы.

Прикинув к лицу модные серьги, мать вдруг ревниво протянула.

– Кстати, как твоя Юлия? Надеюсь, вы с ней не в одном номере жили?

Помрачнев, сын недовольно буркнул.

– Я, между прочим, давно не мальчик.

– Ладно, ладно, это я так, – заюлила Белла Борисовна. – Если хочешь, пригласи ее к нам на ужин в субботу.

– Ты это серьезно? – не поверил Альберт.

– Вполне. Да, Казимирчик? – обернулась она к мужу за поддержкой.

С сожалением оторвавшись от часов, Казимир Иванович с готовностью закивал головой.

– Конечно, Белочка.

– Ловлю на слове, – усмехнулся Альберт, – в субботу ждите нас с Юлей на ужин.

Засидевшись за разговорами до полуночи, Альберт остался ночевать у матери.

Рано утром, таксист быстро домчал его до дома.

Было около семи часов утра. На улицах тускло горели фонари, шел пушистый, густой снег. Вокруг было так красиво, что у Альберта зашло сердце – «что может быть прекраснее Москвы и России!». Он открыл калитку и вошел во двор. В окнах было темно. Прислуга: две молодые женщины еще спали.

Поднявшись по заснеженным ступенькам, он попытался открыть дверь ключом. Подергал медное большое кольцо, дверь не поддавалась. Альберт разозлился, девушки закрылись изнутри на засов, хотя знали, что он должен приехать.

Он раздраженно нажал на кнопку звонка. Минут через десять в окнах зажегся свет, и дверь распахнулась.

Заспанная домработница сконфуженно заулыбалась, – а я думала, вы завтра приедете.

В полдень Альберт позвонил Юлии и передал приглашение матери.

К его изумлению возлюбленная без энтузиазма восприняла известие и, сославшись на сильную занятость, отказалась от визита.

Альберт пришел в дикое бешенство и устроил Юлии скандал с дознанием. Юлия бросила трубку.

Беспощадная ревность обожгла артиста и перешла все разумные пределы, а страсть к Юлии вспыхнула с новой силой. Впав в отчаяние, он позвонил матери, и поделился с ней своим «горем». Белла Борисовна мгновенно просекла ситуацию и стала действовать хитростью. Притворяясь сочувствующей, она проворковала.

– Раз Юлия не может, давай перенесем встречу, придем сами неожиданно к ней на спектакль. Я куплю ей дивные розы.

– А что это идея, – скривился от внутренней боли, распаленный богатым воображением Альберт. В данный момент он представлял Юлию в жарких объятиях счастливого соперника. – Купим розы и приедем без предупреждения.

– Конечно, сынок, все сделаем, как скажешь.

Ненависть к Юлии кипела в душе Беллы Борисовны. «А вот пусть выкусит, – скрежетала зубами она от бессильной злобы. – Костями лягу, а не станет она женой моему сыну».

Глава 5. Любовь похожая на сон

Наденька была единственным ребенком в семье простых, провинциальных врачей. Но вот прадед по линии отца в начале двадцатого века являлся достаточно известной фигурой в стране и занимал пост наркома. Будучи маленьким ребенком, Надя подолгу рассматривала в бархатном альбоме старинные фотографии. Прадедущка с бородкой и усами, и прабабушка в длинном нарядном платье с уложенной вокруг головы косой пшеничных волос оживали, и она шепотом беседовала с ними. Девочка росла мечтательной, впечатлительной, и несколько нервной. Невысокого роста с большим ртом, тоненькими ручками и ножками, она напоминала милого лягушонка и вызывала чувство трогательности. Несмотря на забавную внешность, Наденька не была лишена приятности, было в ней какое-то своеобразное очарование. Особенно хороши были ее глаза редкого фиалкового цвета, подобные аметистам.

Ее подруга Серафима – полная противоположность Наденьке: грубоватая с хитрецей девчонка подсмеивалась над мечтательностью Нади и за глаза нашептывала подружкам, что у Надьки одни тараканы в голове. Тем не менее, Надя отлично училась, а Сима была всего лишь крепкой троечницей.

Гадание оставило сильный след в тонкой душе Наденьки, в ту же ночь ей приснился жених, и она видела его настолько явно, что проснувшись, искала взглядом.

Серафима распустила слух в школе о том, что Надьке при гадании померещился в зеркале жених. Странно, но школьницы поверили Наде, и оказались на ее стороне. После этого Сима затаила нешуточную злобу на подругу и поклялась ей отомстить.

За подготовкой к выпускным экзаменам быстро закончилась зима, за ней промелькнула весна и вот уже последний звонок.

Растрогалась Наденька, расплакалась, когда крохотная девчушка в школьной форме, в белом накрахмаленном переднике с огромными бантами пробежала по двору с колокольчиком в руках. Только сейчас она поняла, что и детство, и отрочество закончились. Впереди новая, пугающая неизвестностью взрослая жизнь.

Все дальнейшее произошло как во сне, мгновенно промчался выпускной бал с его вальсами и гулянием до утра по сонным улочкам городка. Пролетели вступительные экзамены в университете, и вот она уже студентка с чемоданом в руках садится на утренний автобус с мамой, едет в Москву, заселяться в общежитие.

Наденьке повезло, ее поселили в двухместную комнату. На кровати у окна уже сидела рыжеватая, кареглазая девушка с вздернутым носиком.

– Вера, – широко улыбнулась она. В глубине ее глаз неудержимо бегали смешливые, задорные огоньки.

– Надежда, – радостно пропела Наденька.

– Вам бы еще сюда Софью – мать мудрости, – сожалением протянула замученная заботами и проблемами, рано постаревшая мать Нади.

– Нет, уж лучше Любовь, – засмеялась Вера.

– Рановато вам еще, – поджала бескровные губы мать Наденьки, – сначала выучитесь.

Учеба в университете отнимала много времени у Нади, и она часами сидела в библиотеке.

Там судьба и преподнесла ей подарок, в виде приглашения на встречу с артистом Барятевым. Приглашительный билет был на два лица, и она уговорила пойти с собой Верочку.

На мероприятие Надя надела выпускное платье бледно—голубого цвета, Верочка же наоборот нарядилась в строгое платье темно—синего цвета с белоснежным отложным воротничком.

Скромным видом девушки выделялись среди приглашенных. Дамы в вечерних туалетах, скользили пренебрежительными, насмешливыми взглядами по провинциальным нарядам студентов. Мужчины, напротив, бросали любопытные взоры на молоденьких подруг.

Рассматривая фотографии артистов на стенах, медленно продвигаясь, подружки оказались в зале. Посреди, окруженный поклонниками, словно римский патриций, стоял виновник торжества – заслуженный артист Альберт Барятьев.

С горящими глазами, он вдохновенно вещал поклонникам о своих творческих муках.

Наденька бросила на него взгляд и остолбенела, ей показалось, что перед ней стоит жених, увиденный в зеркале во время святочного гадания. Такое же бледное лицо, те же черные волосы, синие глаза. Актер повернулся в ее сторону, несомненно, это был он. Не в силах отвести взгляд, Наденька уставилась на него. Верочка дергала ее за руку, что-то говорила, но Наденька не слышала ничего и зачарованно смотрела на Барятьева.

Почувствовав взгляд девушки, Барятьев обратил на нее внимание.

Восторженно раскрытый великоватый рот, удивленно распахнутые глаза, неказистая, забавная фигурка и весь ее растерянный вид напомнили ему жалкого лягушонка, и он мило-стиво улыбнулся ей.

Стоявшая рядом с Барятьевым надменная красавица перехватила заинтересованный взгляд любовника на девицу и ревниво оскалилась.

– Какая нелепая девчонка, – презрительно кивнула она на Наденьку, – на квакушку похожа.

Вспомнив последнюю выходку своей спутницы, Альберт мстительно вскинул голову и наперекор красавице сделал шаг навстречу Наде.

– Какая прелесть, – улыбнулся он Наденьке. – Вы настоящая царевна – лягушка.

Ошеломленная девушка не знала радоваться или огорчаться столь странному комплименту и на всякий случай растерянно заулыбалась. Спohватившись, она смело протянула руку и кокетливо произнесла.

– Надя, меня зовут Надя, а вас?

– Альберт Барятьев, – усмехнулся он и легонько пожал девичью, хрупкую руку.

Красавица, пренебрежительно смерила взглядом Наденьку и саркастически фыркнула.

— Какая смешная.

Взяв Наденьку под руку, Барятьев нагнулся к ней и, щекоча своим горячим дыханием, спросил.

– Вам нравятся фильмы, в которых я снимался? А спектакли?

От счастья у Наденьки закружилась голова.

– Вы гений! – восторженно выдохнула она.

Красавица вспыхнула от негодования и начала отчаянно флиртовать с рядом стоявшим мужчиной.

Барятьев заметил это и побледнел от гнева, но сдержался. Наблюдавшая краем глаза за соперницей Наденька мило защебетала, чем отвлекла Альберта и его злость отступила. Незаметно косясь на любовницу, он продолжал умиротворенно беседовать с девушкой. А Наденька упоенно рассказывала о своем городке, об экзаменах и еще, о каких-то пустяках и он, не слыша ее, делал увлеченный вид и сладко улыбался. Увидев досаду на лице Юлии, он получил огромное удовольствие, и его ревность к ней растаяла без следа.

Юлия же окончательно обиделась на Барятьева и, не прощаясь, демонстративно покинула зал под ручку с новым кавалером.

К своему удивлению Барятьев спокойно пережил поступок своенравной любовницы и поехал провожать новую знакомую.

У общежития, видя с каким ожиданием, девушка смотрит на него, он не стал разочаровывать ее и взял в свои ладони ее руки. Наденьку вдруг как током ударило. Сильное, неведомое

ранее чувство нежности накрыло ее с головой, ей вдруг стало так хорошо и покойно, как никогда еще не бывало. Неожиданно Альберт нагнулся и поцеловал Наденьку. От неожиданности девушка дернула головкой, и его поцелуй пришелся ей в нос, это их рассмешило и сблизило.

– Возьми, – сунул он ей в ладошку визитную карточку. Как будет свободное время, позвони, буду ждать.

Торопливо спрятав визитку в карман, она радостно выпалила.

– Обязательно позвоню.

Ошеломленная Верочка, выбравшись с заднего сидения автомобиля, молча последовала за своей соседкой к общежитию.

– Он мой будущий муж, – горячечным шепотом произнесла Наденька.

– Да, ты что, вы сегодня первый раз в жизни увиделись, а ты уже муж, – изумилась Вера.

– Вот посмотришь, я правду говорю, – счастливо засмеялась Наденька.

– Ты сумасшедшая Надька, – недоверчиво и одновременно восхищенно покачала головой Вера.

Глава 6. Борьба за сына

Белле Борисовне не пришлось ехать в театр, чтобы угодить сыну, взбешенная Юлия сама позвонила ей.

– Ваш сын самый настоящий извращенец, – заявила она матери своего любовника. – Прицепился на премьере к соплячке, ей шестнадцати нет. Можете ему сообщить, чтобы он мне больше не звонил!

– Почему бы вам милочка самой не сказать ему это, – коварно проурчала радостная Белла Борисовна.

– Он к телефону не подходит, а у меня нет никакого желания дозваниваться ему.

– Непременно передам, – с сатанинской улыбкой пообещала мать Альберта.

Положив трубку, Белла Борисовна задумалась. «Интересно, что за новая пассия появилась у Альберта, если молоденькая дурочка, то она его серьезно не зацепит, поэтому не стоит и заморачиваться, главное, что эта стерва Юлия его бросила, хотя еще неизвестно, – вздохнула она, – такая быстро не отцепится».

Белла Борисовна решила закрепить свою победу над врагом и позвонила сыну. Поговорив на разные темы, она сладким голосом пропела. – Только что Юля звонила, жаловалась на тебя.

Альберт взорвался.

– Жаловалась, вот стерва! Сама сбежала с мужиком, а я виноват.

– Как? – удивилась мать. – А мне она сказала, что это ты оставил ее ради какой—то молоденькой девушки.

– Что еще мне оставалось делать?

– Так ты, может, с ней еще помиришься? – разочарованно выдохнула мать.

– Посмотрим на ее поведение.

Хорошо зная самолюбивый характер сына, Белла Борисовна с притворным сочувствием вздохнула.

– Не переживай, купим розы и поедем к ней на спектакль.

– Да пошла она, – разъярился Альберт. – Подумаешь царица, таких, как она у меня до черта. Никаких роз! У меня от этих поклонниц отбоя нет, одна жена Викентьева, что стоит, нечета Юльке. Ты видела, какая она красотка просто чудо!

– Ты прав сынок, – медово подхватила мать. – Замужние женщины лучше всего, единственная опасность – их мужья, особенно если занимают высокие должности, – озорно хихикнула она, – вот тут уж берегись!

– У нас с ней платонические отношения, – засмеялся он. – А про Юлю забудь, это все в прошлом.

Положив трубку, она задумалась: «может, самой поискать Альберту жену, ведь ему уже далеко за сорок, а ей уже под восемьдесят, останется без нее один, пропадет. Современные женщины эгоистичны, самостоятельны, хотят, чтобы все вертелось вокруг них, а Альберту нужна жертвенная женщина, такая, чтобы могла свою жизнь полностью посвятить ему. Она должна быть прекрасной хозяйкой, глубоко любящей его, тактичной. Альберт человек творческий, неординарный, ему нужно поклонение».

Беллу Борисовну жизнь не баловала. Началась революция, и родители увезли ее в Одессу. Там они надеялись на корабле переправиться в Турцию, но не успели, пришли большевики и родителей арестовали. Маленькая Белла осталась с теткой, которая чудом уцелела, выйдя замуж за сотрудника НКВД.

Вскоре из Москвы пришло трагическое известие, что оставшиеся там родственники расстреляны прямо в гостиной своего дома. Родители Беллы пропали без вести. И как тетка не

пыталась, что-нибудь узнать о них через своего мужа, но так и не смогла. Белла осталась в семье тетки и росла вместе с ее сыном.

Время быстро летело, и маленькая Белла вытянулась и превратилась в красавицу. Мимо нее было трудно пройти, не обратив на нее внимания и вскоре молодой, и тогда уже перспективный ученый, случайно оказавшийся в Одессе, сделал ей предложение руки и сердца, и она вновь оказалась в Москве.

Глава 7. Странная выходка певицы Марфы Байзюк

Для приема клиентов Александра с Зинаидой оборудовали уютную комнату с камином на первом этаже.

Треск и запах горящих поленьев умиротворяюще действовали на потрепанную нервную систему посетителей, потерявших психическое здоровье в боях за успешность и материальное благосостояние.

Нервная, истеричная, задерганная дама, жена крупного бизнесмена, в прошлом довольно популярная певица Марфа Байзюк худощавая блондинка с высокой, явно силиконовой грудью вытянув длинные ноги, полулежала в глубоком кресле и ныла, словно электрическая дрель.

– Я уверена, у него есть любовница, до меня он бросил жену, теперь моя очередь. Наверняка нашел молодую.

Через силу улынувшись, Александра бесстрастно повторила.

– Не накручивайте себя, помните, мысль материальна. Настраивайтесь позитивно, устройтесь поудобнее и закройте глаза, расслабьтесь. Представьте, что вы на Средиземном море... Вы слышите плеск волн, глубоко и свободно вдыхаете морской воздух... – Александра распылила рядом с ней баллончик кислорода. – Вы лежите на теплом песке, вас касается ласковый, легкий морской ветерок. Ваши ноги и руки наливаются теплом, тяжелеют...

Но госпожа Байзюк никак не желала расслабляться.

– Погодите, – жалобно пискнула она. – Сначала послушайте меня. Александра с готовностью кивнула. Торопливо глотая слова, Байзюк затараторила.

– На домработницу смотрел, моей подруге подмигивал, собаку гладил, может он зоофил? Марфа изрыгала поток болезненных, уродливых фантазий, вызванных нездоровой жизнью, ревностью и злобой.

– Если вы не приведете в порядок нервы, то вам нужно будет обращаться не ко мне, а к психиатру, – вздохнула Александра.

Байзюк тревожно встрепенулась.

– Это вы серьезно?

– Более чем, – строго сказала Александра. – Поэтому давайте продолжим процедуру, а потом поговорим.

На лице Марфы мелькнула кривая ухмылка и она выдала.

– Вы хотите сказать, что, Надежда Барятеева, которая, между прочим, обитала в этом доме, нуждалась в помощи психиатра?

– Трудно сказать, я не знаю, – растерялась от неожиданности Александра. – А почему вы...?

– Зачем вы сняли этот дом? – перебила ее Байзюк.

– Я-я-я, – удивленно протянула Александра. – У меня в квартире ремонт, вот и сняла, все равно пустует.

– Правда? – недоверчиво произнесла Байзюк. – Разве вы не в сговоре с моим мужем?

Изумленно открыв рот, Александра уставилась на клиентку.

– Не поняла, о чем вы?

– Как о чем, о том, что он снял вам этот дом для того, чтобы вы меня сделали сумасшедшей.

Александра покраснела от негодования. Свистящим от гнева голосом она произнесла.

– Ну, знаете это уже ни на что не похоже! Мне больше делать нечего, как только с вашим мужем против вас интриги плести, тем более я с ним даже не знакома.

– Нет, правда, не слушайте его, я вам больше заплачу, – отчаянно заголосила Марфа. – Сколько он вам предложил?

– Вы сумасшедшая! – воскликнула Александра. – Я отказываюсь от вас.

Бросив виноватый, овечий взгляд на Александру, Байзюк пролепетала.

– Извините, если обидела, но как только я вошла сюда сразу поняла, что это идея моего мужа, у меня даже в мозгу мелькнуло, что он вам аренду оплатил, только чтобы со мной произошло как с Надькой, мы же с ней подругами были.

– Что за чушь?! – возмутилась ошеломленная Александра. – Я с вашим мужем незнакома, а вы про какой-то заговор несете. У вас самая настоящая паранойя. Не могу понять, при чем здесь Барятьева, может, объясните? Иначе я не знаю, что мне с вами дальше делать.

Марфа тревожно встрепенулась.

– Вы же психолог, сделайте что-нибудь, чтобы я не нервничала.

– Тогда нужно выявить вашу проблему, расскажите о Барятевой и о том, что вас тревожит.

Марфа уже успокоилась и бесцветным голосом начала говорить.

– Надька была замечательной девочкой, доброй, гостеприимной. Мы сблизились с ней на одной тусовке в театре, знакомы-то мы раньше были по Госдуме. – Она резко отняла руки от лица и истерично хихикнула. – Кстати, ее муженек был еще тот кобель, ни одной юбки не пропускал... и меня с ним грех попутал, вот, наверное, и плачу за это.

Магически спокойным голосом Александра проговорила.

– Это не вы, это ваши гормоны согрешили. Процессом воспроизводства себе подобных управляют гормоны, если бы этого не происходило, жизнь давно бы прекратилась, молодость самый репродуктивный период жизни человека, гормоны фонтанируют, давят сознание, поэтому так много делается глупостей, к старости гормоны успокаиваются и человек, – она иронически усмехнулась, – становится мудрее и воздержаннее.

– Правда? – по—детски доверчиво уставилась на нее Марфа. – Вы такая умная, с вами все понятно и мозги на место встают, а вот когда прихожу домой, то все начинается снова, – помрачнела она. – Боюсь, что закончу как Надя. Надька ведь безумно любила мужа и дико ревновала его, а теперь у меня похожая ситуация, теперь мой муж выбрасывает фортели.

Наблюдая за Марфой, Александра думала: «что-то здесь нечисто, видимо в подсознании Марфы глубоко, словно гвоздь, сидит чувство вины перед Надеждой Барятевой, только вот в чем оно заключается? А её смерть видимо трансформировала это чувство в тревожное, мистическое состояние неизбежной расплаты и вселило в нее панический страх. Странно, что у такой легкомысленной, беспечной и в тоже время хваткой, хищной женщины как Марфа кратковременные отношения с мужем подруги вызвали такое сильное нервное расстройство. Нравственность и тонкость души у нее, похоже, отсутствуют, а возможно в ней дремлет и таится нервно-психическое заболевание, и история с Барятевой лишь усугубила его, – печально размышляла Александра и тихонько вздохнула. – Или здесь что-то другое?»

– Почему вы боитесь, что с вами случится что-то подобное? – осторожно и ласково, словно у ребенка спросила Александра. – Откуда такие ужасные мысли?

Марфа горестно покачала головой.

– Не могу объяснить это словами, но атмосфера в моем доме сильно напоминает ту, в которой пребывала Надя накануне своей ужасной смерти.

– Чем именно?

Байзюк нервно сжала руки и хрустнула пальцами.

– Мой муж относится ко мне как к чему-то неодушевленному, как к мебели. – Она разомкнула пальцы и села. – Петр попросту потерял ко мне интерес.

Александра устроилась в кресле рядом с кушеткой.

– Это бывает время от времени в отношениях между мужчиной и женщиной, а потом проходит, переходит в другое качество, происходит новый виток развития чувств.

– А если не переходит? – испуганно заморгала Марфа.

Психолог тихонько вздохнула.

– Нужно проанализировать ваши с мужем отношения. Для этого необходимо с вашим мужем пообщаться. Можно, конечно, попытаться оживить ваши чувства, но если ничего не получится, станет понятно, что это не ваш мужчина и надо расставаться.

Певица от волнения стала хватать ртом воздух.

– Да вы что! – возмущенно крикнула она. – Как это расставаться?! Разводиться?! Да я на него жизнь угробила, петъ бросила ради него, а вы говорите расставаться. У меня своего ничего нет, а он при разводе оставит меня нищей.

Откинувшись на спинку кресла, Александра приготовилась к долгому, тягостному разговору и изрекла.

– Огромная ошибка женщин в том, что они связывают замужество или с понятием рабства, или ничего неделанием и отказываются от собственного самовыражения. Женщина должна быть независима в любых обстоятельствах, иметь профессию и возможность выжить несмотря ни на что.

– Да он мне сам не давал работать, говорил, чтобы я дома сидела, – больным голосом произнесла Байзюк. – Хотел, чтобы я воспитанием ребенка занималась.

– Хорошо, допустим, вы разведетесь, но ребенок то останется при вас, соответственно алименты будете получать не маленькие.

Марфа насмешливо сверкнула глазами.

– Не смешите меня, у этого кровососа снега зимой не выпросишь, а вы говорите алименты.

– Если он такой жадный как вы могли предположить, что он оплатит мне аренду? – усмехнулась Александра.

Марфа фыркнула.

– Действительно, глупость сморозила, но я уже с ума схожу из-за этой твари. А ребенка он мне не отдаст, он его у меня из вредности отсудит и будет моего сыночка воспитывать какая-нибудь его очередная, молоденькая дрянь, ненавидящая моего сына. Я бы этого уроды убила, – возбужденно воскликнула она. – Козлы они эти мужики. Сейчас полно таких, кстати, Надькин муж тоже над ней издевался.

Александра оживилась.

– Что вы имеете в виду?

– А то и имею, что говорю. Только он еще хуже был, чем мой муженек, мой то против Надькиного умом не вышел, тот изошренно мучал ее, больной на всю башку был, да и мамашка его тоже «ку—ку» – повертела у виска Байзюк, – крови Надьке попортила немало.

Глава 8. Фиаско Юлии

Проницательная Белла Борисовна была права, когда предполагала, что Юлия так просто не отстанет от Альберта, поэтому узнав, что они опять вместе не очень-то удивилась, но огорчилась сильно. Тем более случилось это на ее день рождения. Ее дорогой сынок по этому поводу устроил торжество в ресторане и явился поздравить мать под ручку с Юлией.

Это был неожиданный и очень болезненный удар под ложечку, но Белла Борисовна даже глазом не моргнула и медоточиво улыбнулась избраннице сына. Юлия, будучи хорошей актрисой без труда прочла в этой улыбке столько яда, что внутренне содрогнулась и несколько струсила.

Виновница торжества усадила любимую сына рядышком с собой, а сына поместила с другой стороны вместе с ненаглядной гостьей, женой самого Викентьева. Супруга гостьи, правда, на праздновании не было, уж больно большой пост он занимал, но жена, как яростная поклонница творчества Альберта Барятьева не могла отказать себе в удовольствии лишний раз прикоснуться к миру прекрасного в виде обожаемого артиста. Порозовев от выпитого шампанского, белокурая, миловидная, модно и даже несколько вызывающе разодетая дамочка мило щебетала со своим кумиром, а Белла Борисовна, пользуясь тем, что сын не слышит ее, переключилась на Юлию.

Наклонив красиво уложенную голову к Юлии, Белла Борисовна с очаровательной улыбкой на устах прошептала.

– Милочка оставь моего сына в покое навсегда. Если ты сейчас не услышишь меня, то я устрою тебе страшные неприятности, ты даже себе не представляешь какие. Я знаю такие штучки, что тебе и не снились, например, заговор на смерть, меня этому моя бабка научила. Пойду на кладбище возьму земли со свежей могилы, заколдую ее и подброшу тебе, ты начнешь гнить, вся покроешься пузырями и зловонными ранами. – Она наобещала Юлии таких жутких, ужасающих вещей, что, несмотря на крепкие нервы у любовницы Альберта от страха кровь застыла в жилах.

Все это Белла Борисовна проделала со сладчайшей улыбкой на губах, и даже ее сын не мог догадаться, отчего красавица Юлия вначале побелела, потом позеленела, а в конце побагровела, выскочила из—за стола и со всех ног кинулась к выходу. Больше ее в этот вечер здесь никто не видел.

Обеспокоенный поступком любовницы Альберт поинтересовался у матери.

– Что это с Юлией? Куда она рванула?

– Ерунда сынок, она тебя к жене Викентьева приревновала, – простодушно улыбнулась мать.

Альберт разозлился.

– Вот дура! Надоели ее выходки, ты права мама надо с ней кончать.

Разрыв с Юлией, благодаря матери оказался для Барятьева безболезненным, но все—таки злобу на бывшую любовницу он затаил, и как—то увидев ее со своим приятелем, при случае вылил ему на Юлию большущий ушат грязи. И это несмотря на то, что в тот момент был абсолютно равнодушен к Юлии и увлекся молоденькой актрисой из того же театра, что и Юлия.

Альберту показалось, что, наконец, он по—настоящему влюбился. Очаровательная, легкая, грациозная Виолетта покорила его сердце. Он днями и вечерами пропадал в ее театре. Следовал за дамой сердца по пятам и совершенно забросил работу над мемуарами своего рода, о чем тут же доложила Белле Борисовне бдительная домработница Антонина. Белла Борисовна не на шутку встревожилась и немедленно провела разведку боем. Она попросту отправилась в театр, чтобы изучить нового врага. Но ее тревога была напрасной, Виолетта оказалась совершенно равнодушной к чувствам ее сына, что даже оскорбило Беллу Борисовну. А Альберт от

счастья парил, изображал верного рыцаря прекрасной дамы, красиво ухаживал за Виолеттой и в один прекрасный день прилюдно, прямо на сцене во время репетиции, стоя на коленях, сделал ей предложение руки и сердца.

Каково же было его разочарование, и какой его обуял гнев, когда от растерявшейся избранницы он услышал отказ. Вскочив, Альберт с яростью бросил букет роз на пол, да так что тот отскочил и оцарапал шипами режиссера. Незадачливый жених опрометью кинулся вон с одной только жгучей мыслью отомстить «мерзавке» за позор.

Бедная Виолетта не представляла, что ее ждет, пока однажды ее молодой человек по телефону не сообщил болезненным голосом, что между ними все кончено. Виолетта сильно переживала, пыталась выяснить с ним отношения, но он даже разговаривать с ней не стал. Когда она стала встречаться с другим, внезапно история повторилась, и молодые люди расстались. Вскоре о ней поползли дурные слухи, к ней стали плохо относиться коллеги по театру ни с того, ни с сего взъялся режиссер, и Виолетта вынуждена была перейти на другое место работы.

В суете дней и чередой событий Альберт совершенно забыл о Наденьке, но она не забыла о нем. Несколько раз девушка пыталась дозвониться ему, но женский раздраженный голос отвечал, что его дома нет. Конечно, ее это сильно ранило, она переживала и тосковала по Альберту. Ей вспоминались его крупные сильные руки, глаза, губы. Тысячу раз она вспоминала его поцелуй, смех, улыбку, голос. Тайком прижимала к щеке и целовала визитку, которую он держал в своих руках. У Веры хватило такта не спрашивать о Барятьеве, но ей было понятно, что отношения у Надежды с ним не сложились. Иногда по ночам она слышала тихие всхлипывания, но делала вид, что ничего не происходит.

Только когда у Нади появились хвосты, Вера не выдержала.

– И долго это будет продолжаться?

Надя прекрасно поняла, о чем говорит Вера и, закусив губу, молчала.

– На фига тебе этот старпер нужен в универе полно молодых нормальных парней, – продолжала она. – Вылетишь из университета и будешь дома хвосты коровам крутить. Думаешь, ты кому — будешь нужна? Никому, тем более этому старперу. Ты хотя бы своих родителей пожалела.

Выслушав подругу, Надя горестно вздохнула.

– Тебе легко говорить, ты не влюблялась, а я вот жить без него не могу.

Старательно застелив постель, Верочка презрительно фыркнула.

– Почему не знакомо, очень даже знакомо, просто я не хочу быть хуже своего парня, вот и стараюсь, учусь, а ты дурака валяешь.

Наденька бросила на нее взгляд раненого зверька, и Вера отвела глаза.

– А, впрочем, поступай, как знаешь это твоя жизнь, только ведь ты и для достижения своей любви ничего не делаешь, нашла бы Барятьева, постаралась бы стать ему нужной, необходимой, в конце концов, попыталась бы влюбить его в себя.

– Как я его найду? – вскинулась Наденька.

– Очень просто, – сердито фыркнула Вера. – Поинтересуйся у библиотекарши, она его фанатка.

Наденька моментально взяла это на вооружение, но воспользоваться не успела, ее отчислили из университета за неуспеваемость. И чтобы не возвращаться домой и не расстраивать родителей, она набралась смелости и поехала устраиваться на работу в театр, где служил Мельпомене ее возлюбленный.

Наденьку зачислили на самую низшую должность, – помощником костюмера и теперь она, стоя часами с тяжеленным утюгом в руках наглаживала театральные костюмы в подвале театра. Из общежития ей пришлось уйти, и дальняя родственница из жалости пустила ее пожить в пустующую комнатку в коммунальной квартире, чему Наденька была несказанно рада.

Все бы было ничего, да вот только произошла удивительная вещь, ее ненаглядный возлюбленный Альберт Барятьев при встрече не узнал ее и, скользнув по ней равнодушным взглядом, отвел глаза.

Сердце Наденьки оторвалось и бухнулось куда—то вниз в какую—то огромную пропасть без конца и начала, отвратительно зазвенело в ушах. С трудом устояв на ногах, она жалко улыбнулась и едва живая потащилась в ужасный подвал гладить костюмы.

У Барятьева же при взгляде на Наденьку что—то мелькнуло в голове, какое-то воспоминание, он силился вспомнить детали, но не смог и торопливо прошмыгнул мимо. Невзрачный, замученный вид девушки не смог воскресить в его памяти студентку, которую он совсем недавно проводил до общежития.

Глава 9. Неожиданная находка

Александру неприятно поразило поведение Марфы Байзюк, и она поделилась с Зинаидой.

– Ты представляешь, Марфа решила, что я в сговоре с ее мужем и собираюсь свести ее с ума.

Зинаида с изумлением отложила вязание в сторону.

– Так может у нее не все дома, вы бы с ней поосторожнее.

– Куда уж осторожнее, – отмахнулась Александра. – Не могу понять то ли у нее муж мерзавец, а то ли действительно что—то с головой трудно сказать. Хрен редьки не слаще. Самое ужасное она утверждает, что я специально переехала в этот дом, чтобы проверить свое черное дело, свести ее с ума и даже предлагала мне заплатить в два раза больше чем ее муж, только с условием, что я перейду на ее сторону.

– Тогда точно сумасшедшая, – заявила Зина. – Вы бы отказались от нее.

– Не все так просто, – вздохнула Александра, – Байзюк говорит, что была подругой Надежды Барятъевой и поэтому у нее такое отрицательное отношение к этому особняку.

Домработница от удивления разинула рот.

– При чем тут дом?

– Притом. Она утверждает, что этот дом убивает.

Зинаида торопливо перекрестилась.

– Да эта певичка точно чокнутая.

Александра задумчиво произнесла.

– Может и чокнутая, но этот дом действительно имеет дурную славу.

Сердито фыркнув, Зинаида опять принялась за вязание.

– И вы туда же, не думала, что вы такая суеверная.

Закрыв ноутбук Александра задумчиво проговорила.

– Суеверие здесь ни при чем, но история дома могла сыграть кому—то на руку.

– И какая же история у этого дома?

– Не знаю, но хочу узнать.

– И зачем вам это?

– Интересно, – засмеялась Александра.

Неодобрительно взглянув на хозяйку сквозь очки, Зинаида проворчала.

– Где же вы узнаете про дом?

Выбравшись из-за компьютерного стола, Александра сказала.

– Наверняка отсюда унесли только материальные ценности, а вот бумаги, письма, записи или дневники, следы прежних хозяев думаю, остались. Нужно поискать их.

– Чего не поискать, давайте поищем.

– Насколько я поняла, здесь был кабинет хозяйки Надежды Барятъевой, предлагаю с этого кабинета и начать, – загорелась Александра.

Обведя взглядом обстановку комнаты, Зинаида тихонечко вздохнула.

Нужно сказать домработнице не очень понравилась идея хозяйки, дело шло к ночи, а она провозилась целый день на кухне, устала, но отказать Александре не посмела.

Кабинет Надежды Барятъевой был обставлен офисной современной мебелью и только в углу притаился огромный монстр начала прошлого века.

Александра опередила домработницу, и сама раскрыла дверцы шкафа.

На полках рядом стояли книги советского периода. Большая советская энциклопедия с позолоченными буквами на корешках занимала несколько полок, за ней следовали собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

Вытащив томик Майн Рида, Александра задумчиво повертела его в руках.

– Представляю, сколько макулатуры сдали в свое время, чтобы получить талоны на покупку этих книг.

– А что, неправильно, что ли было, сколько лесов сохранили, – вскинулась Зина.

Хозяйка насмешливо взглянула на домработницу.

– Ты это серьезно?

– Конечно, серьезно, – разошлась Зинаида. – Это сейчас ничего никому не нужно, живут как в последний день на земле, ничего не щадят, все леса повырубили. Все вокруг в свалку превратили.

– Ладно, ладно не митингуй, лучше поддержи, – Александра подала Зине стопку книг. Шкаф оказался настолько глубоким, что книги стояли в три ряда.

Домработница начала складывать книги на оттоманку.

– Да ты их на пол клади, тут их полно, видишь какой шкаф здоровый.

– Вы что их все хотите вытащить, – взмолилась Зина. – Может, лучше завтра с утра.

– Завтра не могу, у меня клиенты с десяти.

Несчастливая Зина покорила и начала складывать книги на пол.

– Вы бы лучше в столе поискали, – недовольно ворчала она. – Зачем ей в книгах было что-то прятать.

– В столе искала и в тех шкафах искала, – кивнула Александра на офисные шкафы. – Нет там ничего. А ты, если не хочешь, не помогай, только не ной.

Поджав с обидой губы, Зина промолчала. – Ладно, иди спать, – махнула рукой Александра.

Пока хозяйка не передумала, Зинаида резво припустила в свою спальню.

Проверив часть книг, Александра устало присела на оттоманку. «Глупое занятие, – хмыкнула она. – Книги все новенькие, как из типографии, их никогда не раскрывали. И почему здесь только художественная литература, странно, все-таки Барятьева закончила факультет журналистики и даже писала что-то о театре, о кино. У нее как минимум должна быть литература об искусстве, а здесь одна проза. Может, это не ее книги?

Одна из книг упала на пол и оттуда выпала старая почтовая квитанция. Александра подняла ее и прочитала имя получателя: Луиза Казимировна Загоруйко.

Глава 10. Нежданное счастье

Незаметно пролетела осень, время близилось к новогодним праздникам. На Красной площади уже установили главную елку страны. В витринах магазинов по вечерам светились разноцветные гирлянды фонариков. На улицах пахло снегом, яблоками, апельсинами и хвоей. Под ногами радостно скрипел снег. В гастрономах и универсамах толпились очереди за деликатесами и подарками.

Наденька уже привыкла к работе и всем сердцем привязалась к театру. Ей нравился запах свежеевыглаженных костюмов. Она даже чувствовала гордость за свою причастность к действию, происходящему на сцене. Во время спектакля, забившись в какой-нибудь уголок в зале, она погружалась в мир грез. Все роли главных героинь были выучены ею назубок, и она частенько в мыслях представляла себя на сцене.

Мимо Барятьева она проходила молча, не здороваясь и не глядя на него. Невзрачную, молчаливую девушку, актеры не замечали, и Наденьку это устраивало. Ей казалось, что эти люди из какого-то другого, высокого, недоступного для нее мира, и она робела перед ними.

Как-то во время застолья на праздновании юбилея одного из артистов в театре рядом с ней оказался молодой актер Дима Остащенко. Он обратил внимание на девушку и ухаживал за ней весь вечер. И Наденька вдруг расцвела. Мило порозовев от выпитого вина, она удивительно похорошела. Как—то особенно звонко смеялась шуткам артистов и даже удачно острела.

Впервые на нее обратили внимание, и внезапно Наденька поймала внимательный взгляд Барятьева. Ей сразу почему—то стало весело, и она нарочито начала кокетничать с Дмитрием. Краем глаза она наблюдала за Барятьевым и увидела, что ему это неприятно. «Значит, не все пропало!», —ликовала она и демонстративно ушла с торжества в обнимку с Димой.

После того вечера Дима стал ухаживать за Наденькой и она, похоже ответила ему взаимностью.

Казалось, Надя напрочь забыла о Барятьеве и всерьез увлеклась Димой.

Как—то по окончании репетиции Наденька как обычно сидела в полутемном зале и ждала Дмитрия. Внезапно она почувствовала на себе взгляд, подняла глаза и увидела Барятьева. Пристально глядя на нее, он презрительно процедил.

— Быстро же ты забыла меня, даже не позвонила ни разу, правильно моя мама говорит, «девичья память до порога».

Кровь прилила к лицу Наденьки, сердце забилося часто и тревожно, она, было, собралась с духом, чтобы достойно ответить ему, но он исчез.

— Ты чего такая взбудораженная? — услышала она голос Дмитрия над ухом.

— Я-я-я... — испуганно пролепетала Надя. — Да нет ничего.

Дмитрий не отставал.

— Это тебя Барятьев напугал? Так ты не обращай на него внимания, он со всеми так.

— Да нет, что ты, — пришла в себя она. — Ничего он мне не говорил, просто вдруг нехорошо стало. Наверное, в буфете отравилась.

— Так надо желудок промыть, выпей активированный уголь.

Кое—как, вывернувшись из неприятной ситуации, она перевела разговор на другую тему.

— Скоро Новый Год, где будем встречать его?

Остащенко удивился.

— Чего это ты вдруг?

— Мне просто интересно, что ты думаешь об этом?

— А что думать? — засмеялся Дмитрий. — Дома под елочкой.

Но его дела повернулись таким образом, что на праздник ему пришлось срочно ехать домой в Новосибирск. Позвонили родственники и сообщили, что серьезно заболела мать. Добросердечная Наденька проявила участие, предложила свою помощь и даже собралась в дорогу. Но Дима виновато отвел глаза и уговорил ее остаться.

Грустная девушка проводила жениха в аэропорт и вернулась на работу в театр. И тут же у входа столкнулась с Барятьевым. Наденька смущенно поздоровалась и попыталась проскользнуть мимо. Но Барятьев остановил ее.

– Я Новый Год в Доме творчества в Подмоскovie встречать буду, не хочешь присоединиться?

Наденька опешила и широко раскрыла глаза.

– Я? Даже не знаю, что сказать.

– А кто знает? усмехнулся он. Под его пристальным, тяжелым взглядом Наденьке стало не по себе, и она промолчала. – И знать нечего, я тебя в список участников мероприятия уже включил, у нас все сотрудники за городом новый год встречают, так что давай, наряд готовь Золушка, – засмеялся он и похлопал ее по плечу. – Нечего молодой, хорошенькой сидеть дома и скучать.

– Хорошо, я согласна, – еле слышно прошелестела она.

– Ну и лады, – обрадовался Барятьев. – Звякни мне домой вечером, скажу, откуда поедем. Визитку не потеряла?

– Нет, – покраснела она.

Странно, но Наденька после разговора с Барятьевым летела, словно на крыльях. Конечно, у нее было чувство вины перед Дмитрием, оно неприятно саднило и как человек совестливый, в один момент она даже решила отказаться от поездки, но тут в памяти всплыли синие глаза Барятьева, его глаза, улыбка... и ее повело. Ей так нестерпимо захотелось оказаться рядом с Альбертом, только с ним и ради этого она способна снести любые преграды. Дима ей показался далеким, пресным, неинтересным и ненужным. Она с трудом доработала до конца рабочего дня и сломя голову понеслась домой.

Набив сумку нужными и ненужными вещами, Наденька с трудом затащила молнию и попробовала ее поднять. Сумка оказалась неподъемной. Пришлось заново перебрать вещи и половину выкинуть. Закончив сборы, она забралась с ногами на диван и задумалась. Наверняка в доме отдыха соберутся артисты, ну может еще режиссеры, и она одна помощница костюмера будет выглядеть смешно и нелепо. Она уже жалела, что поступила так беспечно и легкомысленно дала согласие Барятьеву. Если бы у нее было какое-нибудь сногшибательное платье, тогда еще ничего бы, но в ее уродских нарядах только людей смешить.

Незаметно наступил вечер, на город опустились сумерки, и Надежда уже было собралась лечь спать, как в дверь постучали. Она невольно вздрогнула.

– Кто там?

– Это я, – послышался до жути знакомый, красивый баритон Барятьева.

Надя в смятении заметалась по комнате, торопливо засовывая разбросанные вещи в шкаф.

– Сейчас, сейчас.

Дверь осторожно приоткрылась и в образовавшую довольно внушительную щель, просунулся Альберт Барятьев.

– Мимо проезжал, – пробормотал он, с любопытством оглядывая скромное жилище Нади. – Думаю, а вдруг ты визитку потеряла, а мне завтра список отдавать.

– Как, как вы узнали, где я живу? – заволновалась Надежда.

– Элементарно, – засмеялся он, – спросил у твоей начальницы.

Глава 11. Марфа рассказывает о доме

Марфа Байзюк опаздывала и Александра с раздражением поглядывала на большие, круглые часы, висящие на стене.

Сеанс психотерапии должен был начаться в десять, а стрелки часов показывали уже без двадцати одиннадцать. На двенадцать была назначена следующая клиентка Павлина Кузьмина владелица сети парфюмерных магазинов колоритная дамочка с большими претензиями и склочным характером, уж она—то не потерпит задержки сеанса. Все планы летят к черту, значит, не получится поговорить с Марфой о семействе Барятьевых.

Александра вышла из себя, что с ней бывало крайне редко, и закипела от негодования, в этот момент в прихожей послышался высокий, возбужденный голос Марфы Байзюк.

– Простите, попала в такую пробку ни туда – ни сюда.

Обрадовано кивнув, Александра показала на кушетку.

– Так давайте сразу с релаксации и начнем.

Скинув туфли, Марфа с готовностью улеглась и словно кошка, зажмурила глаза.

– Вы сегодня гораздо лучше, – произнесла Александра. – Прошное посещение вам пошло на пользу, значит, вы вняли моим советам?

Марфа открыла глаза и радостно заморгала.

– Честно говоря, внимать было некогда, у меня столько всего произошло за два дня, вы себе представить не можете.

– Да что вы? – изумилась Александра. – И что же у вас случилось?

– Первое, я накрыла своего жеребца с домработницей, – затараторила Марфа. – Во—вторых, выгнала ее вон, в—третьих, – довольно захохотала она, – супруг у меня в ногах валялся, чтобы я с ним не разводилась. Ваши сеансы в меня такую уверенность вселили, что я возродилась, словно птица Феникс и так с ним разговаривала...

– Замечательно, – промурлыкала Александра. – Надеюсь, ваша тревога прошла и теперь вас дом не пугает?

Потянувшись, Марфа фальшиво хохотнула.

– Нет, не пугает, все отлично. Ой, забыла спросить, приведения тут еще не встречались?

Александра насторожилась.

– Не-е-е-т, а что имеются?

– Да они здесь косяками ходят, странно, что вы на них еще не наткнулись, – покачала головой Марфа.

– Боятся нас, наверное, – со смешком изрекла Александра. – Да, сказки все это, нет здесь никаких призраков.

Вскочив с кушетки, Марфа прижала руки к груди.

– Приведения есть, я сама лично видела их не раз.

– Хорошо, расскажите об этом? – вкрадчиво пропела Александра.

– Да это не дом, а живая гробница. Вы в курсе, что в этих стенах, – обвела она рукой вокруг, – замурована живая женщина, помимо этого в доме бандитами во время революции убиты хозяева дома. Здесь неизвестными был застрелен хозяин дома. И это только те факты, о которых я знаю, а сколько я не знаю.

Слегка стухнув, Александра выдавила.

– У каждого старинного особняка есть своя история, как правило выдуманная.

– К сожалению, это не выдумки, а жестокая правда! – с торжеством воскликнула Байзюк. – Бегите отсюда пока не поздно, этот дом всех забирает. Ему нужны жертвы и чем больше, тем для него лучше, он ими питается.

Но Александра не сдавалась.

– Наверняка, все истории приукрашены, да и было это все давно.

– Вот когда вы собственноручно увидите привидения, то убедитесь, что я права, – загорячилась Марфа.

– Хорошо покажете, где приведения водятся, только давайте сеанс доведем до конца.

Но Марфе Байзюк так и не удалось расслабиться, где—то наверху послышался грохот и отчаянный женский вопль. Кричала Зинаида, в холле на нее свалилась с полки тяжеленная керамическая ваза.

Женщины обнаружили Зинаиду рядом с осколками вазы.

– Что я вам говорила, вот, видите, началось, это чей—то дух свалил на Зинаиду вазу или привидение! – воскликнула Марфа.

– Я никакого приведения здесь не видела, – заявила Зина. – Просто хотела вытереть с вазы пыль.

– Надо быть аккуратнее, – рассердилась Александра. – Так кричала, как будто тебя убивали!

– Я сильно испугалась, – сконфузилась Зинаида.

– Выходит, что духи здесь ни при чем, а виной всему Зинина оплошность, – усмехнулась Александра. – Если тут водятся духи и привидения, значит, здесь должны быть и чьи-то останки.

Байзюк скептически хмыкнула.

– Останки имеются, я же вам говорила, что один из князей свою жену замуровал, мне Надька рассказывала и даже какие-то старинные бумаги показывала украдкой от Альберта.

– Не сводя потрясенного взгляда с Марфы, Зинаида перекрестилась.

– Неужто, правда?

– Чистая правда, – подтвердила Марфа. – Да вы поищите в кабинете Альберта, там бумаги про все это имеются.

– Может, покажете, где они лежат? – обрадовалась Александра.

– Заинтересовались? – довольно засмеялась Байзюк.

– Вы так интересно рассказываете, – сделала попытку подольститься Александра и это ей удалось.

– О, это еще не все, – с загоревшимися глазами воодушевленно зашебетала Марфа. – Здесь столько всего произошло.

– Так рассказывайте, – с нетерпением проговорила Александра.

Женщины направилась к кабинету Альберта.

Старинный, инкрустированный, двух тумбовый стол, словно доисторический ящер, притаился у окна.

Байзюк открыла верхний ящик стола. Увы, папки с бумагами там не оказалось. Марфа заглянула в другие ящики, но и в них было девственно чисто.

Она растерянно развела руками.

– Надька брала папку в верхнем ящике, а теперь ее нет, кто—то стащил.

– Хотелось бы знать, кто это сделал? – вздохнула Александра.

– Да кто угодно мог, а скорее всего, его родня, – брезгливо поморщилась Марфа. – Вот жуки навозные. – И вдруг спохватилась. – Если, конечно, Альберт с Надькой их не перепрятали.

– Кто такая Луиза Загоруйко? – словно невзначай поинтересовалась Александра.

По лицу Марфы пробежала тень, похоже, ей этот вопрос был явно неприятен, и женщина напряглась.

– Луиза – сводная сестра Альберта. Что это вы вдруг ею заинтересовались?

– Да вчера в книжном шкафу в кабинете Надежды взяла томик Майн Рида, а оттуда выпала почтовая квитанция на ее имя.

По непонятной причине Марфу обуяла вспышка гнева. Ее ноздри хищно раздулись, глаза гневно сверкнули.

– Когда только успела свои книги подсунуть, – пробормотала она тихо.

– Что вы сказали? – вскинулась Александра.

– Ничего, – процедила сквозь зубы Марфа, и, увидев изумленный взгляд психолога, через силу улыбнулась. – Да я просто возмущаюсь, не успели хозяева покинуть этот мир, как скорбящая родня весь дом обчистила. А уж Луиза вообще седьмая вода на киселе, дочь последнего отчима Альберта.

Глава 12. Между раем и адом

Поразительно, но номера Наденьки и Альберта удивительным образом оказались рядом, и от этого девушка почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Ведь все эти три дня он будет находиться рядом с ней, их будет разделять всего лишь тонкая стена, она будет постоянно сталкиваться с ним в коридоре и возможно... Когда она думала, о том, что может произойти между ними, у нее от волнения перехватывало дыхание, а во рту становилось сухо.

Но Барятьева как будто подменили, он даже не поинтересовался, как она устроилась, а в столовой прошел мимо, не заметив, и сел за стол с красавицей актрисой, восходящей звездой Евой Михайловской. Наденька заняла место за соседним столом и с горечью, украдкой наблюдала за парочкой. Глаза Барятьева горели восхищенным огнем, и он не сводил взгляда со своей коллеги. До Нади доносился счастливый, довольный смех Михайловской, любовное журчание Барятьева, и она сходила с ума от ревности.

Поковырявшись с безучастным видом в тарелке, Наденька отставила ее в сторону. Слушать любовное воркование стало не под силу и, встав из—за стола, она словно пьяная, пошатываясь, направилась в свой номер.

Кинувшись на кровать, она дала волю слезам. Рыдая, она с отчаянием била кулачками по подушке и гневно шептала.

– Ненавижу! Урод! Скотина!

Вволю наплакавшись, она, наконец, успокоилась и задремала, изредка всхлипывая.

За окнами окончательно стемнело. Поднялась пурга.

Кучка смельчаков, высунувших было нос на улицу, среди которых были и Барятьев с Михайловской тут же со смехом вернулись назад.

– С ног сбивает, – воскликнул Барятьев, – вокруг ничего не видно.

– Жаль, погулять не удалось, – хохоча, подхватила Ева.

– Приятель Альберта артист Юрий Егоров предложил.

– Может, в бильярд?

Покосившись на Михайловскую, Барятьев вздохнул.

– Пожалуй, – многозначительно подмигнул он Еве, – вот только если барышни нас поддержат.

Михайловская радостно вспыхнула.

– Отличное предложение, я не против.

– Замечательно! – воскликнул Альберт и, подхватив даму под локоток, увлек ее в бильярдную.

В зале, набитом игроками стоял гвалт, слышался стук бильярдных шаров, и резало глаза от табачного дыма. Зоркая Ева мгновенно узрела свободный стол и ринулась к нему. Схватив кий, она натерла его мелом. Прицелилась, ударила по шару и промазала, шар завертелся волчком и замер. Подруга Евы смешливая Ася Даниленко кинулась складывать шары в треугольник.

Сняв треугольник, Альберт взял кий и ловко, одним ударом отправил два шара в лузу. Ева возбужденно взвизгнула и восторженно захлопала в ладоши.

– Превосходно, Альберт, вы асс! У меня так никогда не получится.

– Я научу. – Он взял ее руку и положил на кий.

– Вот так ставим пальчики, – ворковал он бархатным голосом.

Отчаянно кокетничая, Ева жарко дышала ему в ухо и, прижимаясь к нему, зазывно смеялась, закидывая красивую голову. У нее никак не получалось сделать точный удар и Альберт с удовольствием продолжал процесс обучения.

– Нет, сегодня у меня точно не получится, – наконец, вымолвила она, утомленно отведя пышную гриву светлых волос назад, обнажив нежную, точеную шею.

С вожделением взглянув на девушку, Альберт жадно облизнул губы.

– Хорошо, может, тогда пойдем кофе ко мне попьем, – воровато произнес он, кинув на нее обволакивающий взгляд.

– Уже поздно, – прошептала она, выходя из зала.

Схватив Еву за руку повыше локтя, Альберт больно сжал ее.

– Хорошо, тогда до завтра. Сладких снов.

Наденька проснулась от тихого, настойчивого стука в дверь. Спросонья она не поняла, где находится. В панике вскочила с кровати и в потемках, наощупь прошлепала босиком к двери.

– Кто там?

– Открой, это я Альберт, – послышался приглушенный голос.

Не веря собственному счастью, она решительно повернула ключ. Дверь открылась, и в комнату нет, не вошел, а ворвался, словно вихрь Барятьев. Наденька почувствовала, как его руки подхватили ее и крепко сжали. Горячие влажные губы больно коснулись ее губ. У нее закружилась голова, и ее сознание провалилось в какое-то другое ранее незнакомое ей и оттого пугающее измерение. Происходящее, казалось ей нереальным, странным, фантастическим сном.

Все произошло быстро и непонятно и это оглушило Наденьку. Она с трудом сознавала, что происходит, с трудом понимала, о чем он шепчет ей.

Единственное, что она запомнила и поняла это его удивление и умиление.

– Я у тебя первый? Ты чудо!

– Ты на мне женишься? – глупо улыбалась она в темноте.

– Конечно, – жарко шептал он. – Только нужно подождать.

Проснувшись утром Наденька обнаружила, что Альберта рядом нет, и она даже обрадовалась, потому что после того что произошло между ними ночью чувствовала страшную неловкость.

Приняв душ и принарядившись, она уже справилась со своим смущением и сияющая в предвкушении встречи с любимым, постучала в его дверь. Тишина за дверью красноречиво дала понять, что Альберта нет, и она с полыхающими от тревожного волнения щеками кинулась в столовую.

Ее возлюбленный уже позавтракал и сидя за столом рядом с Евой Михайловской, рассказывал очередной анекдот. Девушка заразительно смеялась, а он не сводил с нее влюбленного взгляда.

У Наденьки мгновенно потемнело в глазах от ревности и боли, весь мир и люди показались ничтожными и отвратительными. Боясь выдать свое состояние, она низко нагнулась над тарелкой. Барятьев шестым чувством почувствовал ее присутствие и взглянул на нее.

Наденька пересела на свободное место к нему спиной. Похоже, его это задело, и он с досадой дернулся, но поймав удивленный взор Евы, беспечно продолжил веселиться.

С трудом выпив стакан чая, Надя отодвинула кашу и стремглав выскочила из столовой. Ей хотелось уединиться, чтобы дать волю чувствам. Или нет, немедленно покинуть это место, уехать куда-нибудь далеко-далеко и навсегда. Почему-то в памяти возник Дима Остащенко, запоздалое сожаление и раскаяние волной поднялось в ней и обожгло. В глазах предательски защипало, и она ринулась к лифту. Подбежав к своему номеру, она никак не могла попасть ключом в скважину, мешали предательски нахлынувшие слезы.

Внезапно она почувствовала на своих плечах тяжесть чьих-то рук и резко обернулась.

– Что случилось? – услышала она веселый, насмешливый голос Альберта. – Ты даже со мной не поздоровалась.

– Ничего, – глухо буркнула Наденька.

Вслед за ней он вошел в номер.

– Это что за слезы? – обнял он ее. – Ты что, меня к Михайловской ревнуешь?

– Нет, – пытаясь вырваться из его объятий, беспомощно пискнула она. – Откуда ты это взял?

– Видел твое лицо, когда ты в столовую вошла, – усмехнулся он.

– Лицо как лицо, – огрызнулась она.

Посадив ее к себе на колени, он погладил ее волосы.

– Какой ты еще, в сущности, ребенок, – задумчиво произнес он. – Чистое дитя.

Глава 13. Разбитые в прах мечты

В Москву из Дома творчества возвращались в сильную пургу. Со скоростью черепахи автобус пробивался сквозь выюгу по занесенной метелью дороге. Впереди сквозь плотную снежную пелену слышался надрывно кашляющий, непрерывный рокот трактора, расчищавшего дорогу, которую тут же заносило снегом.

Наденька сидела одна на заднем сиденье и с тоской смотрела в окно, покрытое толстым слоем узорного льда.

В ее фиалковых глазах замерла, затаилась острая боль. Она старалась не смотреть на парочку, сидевшую впереди, но у нее это плохо получалось, и она время от времени, поглядывая на Альберта с Евой. Они сидели обнявшись. Барятьев с нежностью смотрел на свою спутницу и что-то то и дело шептал ей на ухо.

У Наденьки от этого все холодело в груди, к тому же замерзли руки, тонкие, почти детские пальчики заledenели, и она, пытаясь согреться, отчаянно дышала на них. Ни одна дорога не казалась ей такой бесконечно долгой и мучительной, как эта. Ей казалось, что никогда в жизни она не была так несчастна как сейчас. Лишь один раз Барятьев украдкой бросил на нее любопытный, испытующий взгляд и тут же отвернулся.

Наденька попросила водителя остановить автобус у первого метро и, проходя на ватных ногах мимо Барятьева, споткнулась о его сумку, стоявшую в проходе. Он насмешливо посмотрел на нее, а Ева громко засмеялась. Альберту не понравилось это, и он слегка отстранился от нее. Ева почувствовала его недовольство и, замолчала, лишь проводила Наденьку враждебным, презрительным взглядом.

Горестно доковыляв до дома, Надя в очередной раз дала волю слезам. Наверное, она сама виновата в том, что Альберт увлекся красоткой Евой. Надо сказать, Наденька прекрасно понимала, что проигрывает во внешности Михайловской, но как каждая женщина думала, что все равно она гораздо лучше соперницы, что душа у нее чище, она добрее и любит Альберта в тысячу раз больше, чем эта холодная змеючка Ева. Что в ней есть, что-то такое чудесное, чего в другой женщине нет, и как каждая женщина обвиняла в предательстве не мужчину, а женщину. Она не хотела понимать, что подлю с ней поступил Барятьев, а не Ева. Боль жгла нестерпимым огнем внутри и слезы не приносили облегчения. Она поклялась себе, что несмотря ни на что завоюет Альберта и покажет Еве чего она стоит.

Вволю нарыдавшись, она разобрала вещи и разложила их по своим местам.

В дверь постучали, у Нади радостно забилося сердце: – «Альберт!». Она опрометью кинулась к двери и распахнула ее. Перед ней в запорошенной снегом оренбургской, пуховой шали и потертой кроличьей шубке стояла ее мать Зоя Валериановна.

От неожиданности Надя отпрянула.

– Мама? Как ты узнала, что я здесь?

Мать обожгла ее укоряющим, сердитым взглядом.

– Сима сказала.

– Сима, – виновато повторила Наденька. – Зачем? Я же просила ее... – И бросилась снимать с матери мокрую от растаявшего снега шубу. – Не злись, пожалуйста, просто я не хотела тебе говорить пока, чтобы не расстраивать, а потом я бы тебе все обязательно рассказала.

Зоя Валериановна раздраженно выпалила.

– Мне Симка вчера все рассказала про твои дела. Влюбилась, университет бросила, костюмершей устроилась в театр к любовнику. – Вырвав из рук дочери свою шубу, она гневно стряхнула с нее снег и повесила на вешалку.

Сняв сапоги, Зоя Валериановна прошла в комнату и огляделась.

– Неплохо устроилась.

– Я же просила Симку тебе нечего не рассказывать, – угрюмо пробормотала Надя. – Зря я ей написала.

– Ты не об этом беспокойся, – прикрикнула мать. – Не в Симке дело, а в тебе. Я думала, ты учишься, а ты дурака валяешь. Не ожидала я от тебя этого, – вдруг всхлипнула она и ее бледные губы жалко вздрогнули и беспомощно скривились. – Мы ли с отцом для тебя не старались, а ты вон, что нам устроила...

Наденьке стало бесконечно жаль мать, и ее собственная боль куда—то отошла и при-
тупилась, вместо нее нахлынула нежность, и глубокая жалость к матери. Одновременно она почувствовала себя виноватой. Наденька обняла мать и горячо зашептала.

– Мама прости, пожалуйста. Я больше никогда не буду делать так, никогда. Я все исправлю.

Всплакнув, Зоя Валериановна успокоилась и заявила.

– Первым делом ты должна восстановиться в университете.

Но тут Наденька заупрямилась.

– Я буду работать и перейду на вечерний факультет или заочный.

Зоя Валериановна расстроилась.

– Зачем тебе вечерний? Спокойно училась бы на дневном, и стипендию получала бы.

– Мама ну как ты не понимаешь, стипендия маленькая на нее не проживешь, а я уже взрослая девушка, мне и одеться надо.

Всплеснув руками, Зоя Валериановна воскликнула.

– Мы же тебе денег все время подкидывали.

– Этих денег не достаточно мама.

Беспомощно опустившись на стул, мать горько вздохнула.

– Дочка, дочка, – покачала она головой. – Ты раньше мало интересовалась нарядами, выучилась бы сначала.

Наденька упрямо поджала губы.

– Знаешь мама, я думаю, девушке не учеба нужна, а хороший надежный муж.

– Уж не этот ли артист, про которого Симка говорила, тебе голову задурил? – сердито прищурилась мать.

Стоя посреди комнаты, дочь вызывающе подбоченилась.

– Хоть бы и он, и что?

– А то, – окончательно рассердилась мать. – Не потому ли у тебя все лицо зареванное, что нашла надежного мужа? Артисты на артистках женятся или на каких-нибудь знаменитостях, а ты провинциальная девчонка, ни профессии, ни образования, да и не красавица.

– Спасибо мама, – обиделась Надежда. – Только если ты считаешь меня дурнушкой – это не значит, что я не нравлюсь другим.

Мать не стала с ней спорить и примирительно спросила.

– Что хоть за артист? Как зовут его?

– Тебе что, правда, интересно? – неуверенно пробормотала Надя.

– Правда, ты же моя дочь, мне все важно знать о тебе.

Помолчав, Надя смущенно назвала имя своего возлюбленного.

– Знакомая фамилия, только не могу вспомнить, – сконфузилась мать. – В каких фильмах он снимался?

Моментально оживившись, Надя начала рассказывать о ролях Барятьева

– Так он же старый для тебя, – невольно вырвалось у Зои Валериановны.

Наденька гневно взглянула на мать, ее ноздри затрепетали, и она выкрикнула.

– Никакой он не старый, что ты придумываешь?!

Зоя Валериановна испуганно покосилась на дочь. Впервые она видела ее такой.

– Что ты кричишь? Посчитай на сколько лет он тебя старше.

– Да мне плевать, сколько ему лет, – выкрикнула Надя. Ее лицо покраснело от натуги, жилы на шее натянулись от крика. Она сразу стала некрасивой.

Мать увидела, что дочь не в себе, не контролирует свои эмоции и решила больше не испытывать судьбу. Зоя Валериановна порывисто обняла Наденьку.

– Ну, любишь и люби, – тихонько шепнула она. – Только я вижу, не очень—то ты счастлива.

От участливого голоса матери у Наденьки все перевернулось в душе и слезы хлынули из глаз. Она уткнулась в теплую материнскую грудь и, вдохнув знакомый с детства запах, сбивчиво и торопливо поведала о своей короткой и горькой истории любви.

Глава 14. Неприятности Марфы Байзюк

Приструнив мужа, довольная Марфа праздновала победу.

Для начала потребовала от неверного супруга давно приглянувшиеся ей в модном ювелирном магазине кольцо и сережки из белого золота с изумительными сапфирами.

По кислому выражению лица благоверного Марфа поняла, что эта покупка не слишком порадовала его, но получив желанный подарок, она не остановилась и через несколько дней, проснувшись, потребовала новую машину. И неожиданно нарвалась на жесткое сопротивление.

Лицо супруга приняло каменное, непроницаемое выражение.

– Нет. К сожалению, дорогая, сейчас кризис в стране и мой бизнес трещит по швам. Завтра вам с Антоном есть будет нечего.

Обескураженная Марфа пришла в бешенство и начала упрекать мужа в измене. Вопреки ее ожиданиям, что муж начнет извиняться перед ней, супруг сунул ноги в шлепанцы и ринулся в ванную.

Марфа растерялась. Скомкав попавшийся под руки пеньюар, она со злостью кинула его вслед ушедшему мужу.

Но тут же опомнилась, и накинув пеньюар на плечи, побежала вслед за супругом. Дверь ванной была закрыта. Она с яростью подергала дверную ручку, но муж предусмотрительно закрылся изнутри.

– У тебя всегда кризис, – запоздало крикнула она. В ответ послышался звук льющейся из душа воды.

Разъяренная словно тигрица, Марфа ринулась в свою ванную. Бросив в воду ароматическую соль с косметическим маслом и лепестками роз, она забралась в ванну и блаженно вытянулась. Но в ее ушах звучал непреклонный голос мужа. Его слова приводили ее в бешенство и, руки невольно сжимались в кулаки.

– Жмот поганый, – бормотала она с ненавистью. – Скрыга чертов! Ну, я тебе устрою.

Марфа понимала, что расслабилась перед мужем раньше времени и упустила шанс что—то изменить в их отношениях. Самое ужасное было то, что она не знала, что делать. В течение десяти лет ей с легкостью удавалось управлять им, он выполнял любые ее прихоти и стелился перед ней словно джин из лампы, и вдруг в один момент резко изменился, стал колючим и равнодушным. Вначале у Марфы возникло подозрение, что виной всему увлечение другой женщиной, но лишь после того как застала супруга в объятиях некрасивой домработницы до нее дошло, что дело не в женщине, просто его любовь к ней исчерпала себя до дна. Его чувства растаяли как дым, а она прозевала тот момент, когда нужно было подогреть их ревностью, или чем—нибудь другим и вот наступил финал. «Самое скверное, – думала она, – что этот мерзавец, в свое время, несмотря на страстную любовь ко мне, себе соломку подстелил и все обштопал таким образом, что я ни на что из его имущества не имею права. Даже ребенка он меня может лишить. Нужно было мне дура не орать как ненормальной, когда увидела его в объятиях домработницы, а тихонько заснять их на мобильник, а потом нанять адвоката и развестись».

Распахнулась дверь и на пороге появился Петр.

– Ты случайно не видела мой мобильник?

– Мобильник? – нахмурилась Марфа. – Нет, не видела.

Он хотел что-то сказать, но замешкался и, бросив на супругу опасливый взгляд, вышел.

Раздосадованная Марфа поспешно выбралась из ванны. Натянула махровый халат и, оставляя клочья пены и мокрые следы, босиком побежала за ним.

– Петя, – истерично крикнула она. – Подожди. – Но опоздала, в прихожей хлопнула дверь, а на шум, словно черт из табакерки появилась новая горничная. Увидев ее, Марфа заскрипела зубами от злости. Молоденькая брюнетка в ослепительно белой блузке и коротенькой черной юбке была настолько хороша, что Марфе стало плохо.

– Доброе утро, – проворковала девица обворожительным голоском. – Меня зовут Яна, я ваша горничная. А Петр Антонович уже ушел.

– Я поняла, – холодно процедила Марфа и промаршировала мимо нее в спальню. Там она дала волю своей ярости. Набрав номер мобильного мужа, она вспомнила, что он потерял его где—то дома. Натянув джинсы и свитер, она ринулась на поиски мобильного. Обыскав спальню, бросилась в гостиную и столкнулась с Яной.

– Милочка, вам случайно не встречался мобильный телефон? – высокомерно протянула она.

– Встречался, – любезно улыбнулась Яна и вытащила мобильник Петра из нагрудного карманчика блузки. – Этот?

– Этот, – грубо вырвала телефон из ее рук Марфа. – а почему вы его в кармане носите? Девушка прощепетала.

– Он валялся под обеденным столом, я подумала, что его Петр Антонович потерял, хотела вечером ему отдать.

– Если вы не в курсе у Петра Антоновича, жена имеется, – угрожающе прошипела она. Горничная с готовностью кивнула и вежливо улыбаясь, сверкнула белоснежными зубами без единого изъяна.

– Знаю.

– То—то же, – бросила Марфа и побежала звонить своему психологу.

Александра с сочувствием выслушала ее и предложила приехать, благо у нее образовалось свободное окно. Но ярость душила Марфу, она вся кипела от негодования.

– Меня как сглазили, этот мерзавец новенькую горничную нанял, а мне словом не обмолвился об этом, не посоветовался со мной, – захлебывалась она от злости. – Я сейчас приеду к вам.

Марфе было невмогуту оставаться в одном доме с домработницей. Схватив ключи от машины, она натянула куртку и выскочила на улицу.

Ей повезло, особенных пробок не было, и Марфа быстро добралась до дома Барятых.

Озабоченно взглянув на расстроенную клиентку, Александра предложила ей выпить чая или кофе.

– Я от чего-нибудь покрепче не отказалась бы, – жалко улыбнулась Марфа, да я за рулем.

– Лучше бы вы такси взяли, – вздохнула Александра.

Скинув куртку и бросив ее на кушетку, Марфа уселась рядом.

– Плевать, я могу машину у вас во дворе оставить и поехать домой на такси. Так что рюмочку коньяка я бы с удовольствием пропустила.

– Тогда прошу в столовую.

– С удовольствием, – широко улыбнулась Марфа.

Глава 15. Исповедь Марфы

Чаепитие с коньяком затянулось чуть ли не до полуночи. Марфа Байзюк с наслаждением освобождалась от накопившейся ненависти к мужу.

– Всю молодость ему отдала, – кипела она. – Я могла бы такую выгодную партию сделать, какие мужики за мной бегали, даже один миллиардер из Америки, а я дура этого козла предпочла. И что в нем хорошего, маленький, толстый, лысый.

Александра молча слушала ее. Сбоку стола прилепилась Зинаида и, подперев щеку, жалостливо внимала откровениям Марфы.

– И туда же ни одной юбки мимо не пропустит, он что думает, такой неотразимый, да это кошелек его неотразимый, его бабки. Сам—то он, ничего из себя не представляет.

– Меня одно удивляет, – вздохнула Александра. – Как вы Марфа могли подумать, что я с ним в коалиции против вас?

Разгоряченная коньяком, Марфа изумленно уставилась на Александру, но вспомнив свой недавний выпад против нее, нервно хихикнула.

– Ах, вы про тот случай. Я тогда была на таком взводе, ну и сорвалась, накинулась на вас, извините.

Взглянув в окно, где в голубоватом свете фонарей тревожно и загадочно метались снежинки, Александра многозначительно улыбнулась.

– Конечно, поняла, теперь мне кое—что понятно и о Надежде Барятевой.

– Надежде? – встрепелась Марфа. – Что это вдруг вы о ней вспомнили?

– Разве ваши ситуации не похожи?

Густо покраснев, Марфа пробормотала.

– При чем здесь Надежда?

– Ну как же, – не унималась Александра, – вы же сами говорили, что над Надеждой муж издевался.

Горестно по—бабьи подперев щеку, Марфа вдруг всхлипнула.

– В отличие от моего уroda, Надькин муж ее любил. Альберт мужик был – глыба, не то, что мой – сморчок гнилой.

– Любил? – удивилась Александра.

– Да, любил, – опустила голову Марфа и глухо продолжила. – Это была трагедия великой любви, такой любви, о которой мы в книжках читаем.

– Так значит, она действительно сама повесилась? – вырвалось у Александры.

– Вот это не факт, – горько усмехнулась Марфа. – Очень много странного и страшного во всей этой истории. Жаль, что Надька в последнее время отошла от меня, да и я, к сожалению, была слишком занята собой.

– Так значит, вы все-таки думаете, что Надежду убили. Почему?

Марфа саркастически хмыкнула.

– Думаю, кому-то она сильно мешала.

– Чем она могла мешать? – изумилась Александра.

– Понятия не имею, может, кому-нибудь дорогу перешла, я же не знаю, чем она в последнее время занималась, – замялась Марфа.

– Как же все эти разговоры про дом, который убивает? – произнесла Александра.

Марфа мгновенно протрезвела и взглянула на наручные часы.

– Ой, что-то я припозднилась, пора домой. – Она вскочила, – спасибо за гостеприимство.

– Погоди, я такси вызову, – засуетилась Александра.

Гостья отчаянно замотала головой.

– Не стоит, возьму машину на улице. Заодно прошвырнусь немного.

Александра вызвалась ее проводить.

Шел первый, робкий снег и тут же таял в темных лужах. Стояла промозглая осенняя погода.

Александра зябко поежилась.

– Как время летит, только совсем недавно палила жара, было лето и вот уже зима катит в глаза.

– Действительно, – немедленно откликнулась Марфа, – время летит мгновенно. Раньше наоборот, тянулось словно резина.

– Просто раньше было много свободного времени, – засмеялась Александра, – а сейчас оно забито под завязку.

Задумавшись, Марфа рассеяно кивнула.

– Наверное.

После недолгого молчания Александра спросила.

– Интересно, у Надежды есть близкие родственники, сестры или братья?

– Это мне неизвестно, – скривилась Марфа. – Скорее всего – нет, если бы родня имелась, на похороны бы приехала, а никого не было.

– Может, вы просто не поняли, что это родственники?

Марфа сердито вскинулась.

– Надежду в последний путь маленькая кучка народу провожала и все мне знакомы. Так что неизвестных мне людей на похоронах не было.

Александра сокрушенно вздохнула.

– Такие скромные похороны, и кто же проводил ее в последний путь?

– Домработницы, Луиза Загоруйко, я и несколько ее знакомых.

– И больше никого?!

– Никого, – мрачно произнесла Марфа, – со мной даже муж не поехал. Ну, это, конечно, не считая журналистов, этих пройдох было немало.

Мимо них проехало свободное такси. Марфа запоздало замахала руками и побежала за машиной. Таксист не заметил женщину и выехал из переулка.

– Здесь мы машину не поймает, – с досадой выпалила Марфа.

– Так пойдемте к метро, – предложила Александра. – Там стоянка такси есть.

Снег закончился, его сменил колючий, мелкий, противный дождь. Марфа зябко куталась в куртку.

– Что это вы так Надеждой интересуетесь? – спросила она и застала Александру врасплох.

– Сама не могу объяснить, – вздохнула Александра. – Наверное, из любопытства.

– Нет, – мрачно произнесла Марфа, – вы не из любопытства это делаете, вы самым настоящим расследованием занялись. Только я бы на вашем месте бросила эту затею.

– Почему? – изумилась Александра.

– Потому, – уклонила от ответа Марфа.

Александра хотела возразить, но удержалась и простодушно улыбнулась.

– Да мне, собственно говоря, и некогда заниматься расследованием. Живу в этом доме, поэтому заинтересовалась, а ваша реакция меня, честно говоря, удивила, вас что—то пугает?

Марфа нервно зевнула.

– Что меня может пугать? История смерти Надежды действительно темная, вот я и подумала, зачем вам в этом копаться, ведь это может быть кому—то невыгодно, и если Надьку убили, то, что им стоит убить кого—то еще. Опасно это.

Они вышли к метро. Вокруг было многолюдно. Разноцветными огнями ослепила реклама. Проспект был забит гудящим транспортом.

– Опасно? – остановилась Александра. – Почему? Что мне может угрожать?

– Марфа не ответила, а увидев свободное такси, ринулась к нему.

– Машину завтра заберу, – крикнула она, садясь в такси.

Глава 16. Крах семьи Марфы Байзюк

В доме было темно и тихо. Марфа бесшумно скинула куртку в прихожей и на цыпочках пробралась в спальню. Переоделась в халат, зашла в ванную и сполоснулась под душем.

Высушив и расчесав волосы, она поспешила в комнату сына.

Сын уже сладко спал, тоненько посапывая. Осторожно поцеловав ребенка, Марфа с нежностью вдохнула его запах и, подоткнув одеяло, бесшумно удалилась.

Утром ее разбудил грубый окрик мужа.

– Дрыхнешь! Фу как перегаром несет! Потаскуха, ребенок брошен, мать называется!

Марфа с трудом оторвала голову от подушки и увидела перекошенное злобой лицо мужа. Ее голова раскалывалась от боли, в горле першило.

– С ума сошел? – прохрипела она. – Чего орешь, Антона разбудишь.

– Антон давно в школе, – издевательски бросил он. – Скоро обед, а ты дрыхнешь без задних ног. Меня абсолютно не волнует где ты таскаешься, мне уже надоело считать твоих качков. Опять какой—нибудь очередной фитнес—тренер, но меня волнует ребенок, своим поведением ты травмируешь парня.

Сначала Марфе показалось, что это ей снится, потому что прежде Петр ничего подобного даже в мыслях себе позволить не мог, а сейчас, его точно подменили. Изумленно глядя в налитые ненавистью глаза, она приподнялась в постели и тут же сползла на подушку от сильного приступа кашля.

Одетый с иголки, и уже готовый к выходу, Петр крикнул.

– Алкоголичка! – Услышав шорох у раскрытой двери, он обернулся и осклабился. – Яна, идите сюда.

Девушка мгновенно появилась на пороге и с готовностью уставилась на хозяина.

– Слушаю.

Брезгливо кивнув на жену, Байзюк произнес.

– Приглядите за хозяйкой Яна, и ни в коем случае не давайте ей спиртного. Человек болен алкоголизмом.

Марфа гневно взглянула на мужа.

– Ты Петя точно мозгами съехал, когда это я пила?

Не прореагировав на ее слова, Байзюк обратился к домработнице.

– В случае чего будете свидетелем ее неадекватного поведения.

Оскорбленная Марфа открыла рот и попыталась возразить, но из ее больного горла вырвалось лишь сердитое шипение.

– Не беспокойтесь, все сделаю, как вы сказали, – послушно пискнуло юное создание.

Молодцевато крутнувшись на каблуках, Петр стремительно покинул спальню жены.

Яна метнулась за хозяином, и из прихожей донесся ее звонкий смех, ему вторил мужественный басок Байзюка.

Ошеломленная Марфа даже в кошмарном сне не могла себе представить, что так скоро наступит конец ее отношений с мужем и тем более таким образом. «Можно прожить с человеком всю жизнь и так и не узнать, что он из себя представляет, а вот стань от него зависимой и увидишь – кто перед тобой», – горько подумала она.

Качаясь от слабости, Марфа поплелась на кухню.

Включила чайник и полезла в холодильник за лимоном. Выполняя волю хозяина, в дверях тут же нарисовалась Яна. Встав за спиной Марфы, она стальным голоском, заявила.

– Надеюсь, вы не водку ищете?

Марфа смерила горничную испепеляющим взглядом.

– Вы что не видите, я заболела, мне не до водки, тем более что я водку вообще не пью.

Тем не менее, Яна недоверчиво покрутив носиком, сунулась в холодильник и, вытащив початую бутылку водки, унесла ее с собой.

Сделав себе чая с медом и лимоном, Марфа вернулась в постель.

Не дождавшись звонка от Марфы, Александра сама позвонила ей.

– Я заболела, – с отчаянием пробормотала Марфа. – Как только мне станет лучше, я позвоню.

Чай не помог, ей стало еще хуже, и она попросила Яну вызвать врача, но та отказалась.

– Петр Антонович мне указаний на этот счет не давал.

Марфе пришлось самой вызывать доктора.

Осмотрев пациентку, врач определил, что у нее сильная простуда. Выписав лекарство, он отдал рецепт домработнице и велел немедленно идти в аптеку.

Яна не осмелилась послушаться врача и покорно, словно оловянный солдатик отправилась за лекарством.

К вечеру температура спала и Марфе полегчало. Услышав голос мужа, она вылезла из постели, чтобы объясниться с ним.

Завидев супругу, Петр позеленел от злости.

– Ты чего по квартире шляешься, заразу разносишь?

Марфа попыталась усовестить мужа.

Но Петр мгновенно пришел в ярость.

– Нечего мне морали читать лицемерка, ты у меня вылетишь отсюда. Я родительских прав тебя лишу, ребенка тебе не видать, как своих ушей.

От ненависти у Марфы потемнело в глазах.

– Ну, ты и сволочь! Запомни, если ты у меня ребенка отберешь, я тебя убью!

Байзюк изо всех сил завопил.

– Яна, Яна иди сюда! Подтверди, что ты слышала, как эта алкашка угрожала убить меня. Ты должна подтвердить это в суде?

– Конечно, подтверждаю, Петр Антонович, – отчеканила мгновенно появившаяся домработница.

Глава 17. Любопытная незнакомка

Встревоженная разговором с Марфой, Александра заглянула на кухню.

– Похоже, у Марфы дела совсем плохи и голос простуженный, — поделилась она с Зинаидой.

– Да, с мужем, небось, разругалась... А вы все себе близко к сердцу берете, — намывая до блеска посуду, укоризненно пропела Зина. — О себе лучше подумайте, работаете с утра до вечера...

– Хорошо, сегодня пятница и нет приема, — с наслаждением потянулась Александра.

Зинаида добродушно улыбнулась.

– Вот и отдыхайте...

Александра вскочила.

– Пойду с Альмой прогуляюсь заодно и на машину Марфы взгляну, а ты давай обедом займись.

На дворе было зябко, вокруг лежал редкий, тончайший, сухой, словно сахарная пудра снег. Альма подбежала к автомобилю Марфы и нырнула под него.

Позвав собаку, Александра не спеша зашагала вокруг дома.

Небольшой дворик некогда был засеян газонной травой, которая безобразно разрослась и подобно болотным кочкам, ржавыми неопрятными кучками топорщилась повсюду вплоть до высокого металлического забора.

Дом имел два входа — парадный с фасада, и сзади — темный, запасной. Одно время запасной ход был наглухо забит, но как только Барятьев получил дом в аренду, он восстановил его.

Александра подошла к маленькому крылечку, ведущему к двери. По грязным разводам и основательно запыленному дерматину она поняла, что дверью давно не пользовались.

«До запасного хода мы с Зинаидой не добрались, — мелькнуло у нее, — а может там и спрятали старинные бумаги, которые видела Марфа. После обеда поищем, заодно и подвал осмотрим».

Внезапно Александра почувствовала чей то взгляд и обернулась. Вцепившись в прутья ограды по ту сторону забора, стояла благообразная женщина средних лет в черной кожанке, клетчатой, толстой, шерстяной юбке и рыжих ботинках. Наряд завершала претенциозная шляпка с вуалью. Женщина пристально рассматривала Александру.

– Давно здесь живете? — раздался ее слегка хрипловатый голос.

– Нет, а что?

Женщина усмехнулась.

– Да я просто так спросила. Дом долго стоял пустой, а тут вдруг свет в окнах, вот мне и стало интересно...

– Что-то я вас раньше не видела, — запальчиво произнесла Александра. — Рядом живете?

– Нет, я здесь работаю.

– И где если не секрет?

– Да тут, в одном офисе, — неопределенно махнула любопытная дама рукой. — И дорого за проживание платите? — в голосе женщины просквозила неприязнь, хотя выражение ее лица было вполне миролюбивым. Александре не понравилась ее бесцеремонность.

– Нисколько, — вызывающе ответила она.

Недоверчиво хмыкнув, незнакомка язвительно усмехнулась.

– Так я и поверила, небось, не меньше десяти тысяч евро или зеленых в месяц.

– Слушайте, какое ваше дело, идите отсюда, — рассердилась Александра. — Вопросы непонятные задаете...

Ухмыльнувшись, дамочка отлипла от забора и резво понеслась по переулку к метро.

– Странная мадам, – пробормотала Александра. Настроение у нее испортилось, и она поспешила домой.

Судя по запаху, Зинаида готовила что-то невообразимо вкусное.

– Вам Марфа Байзюк звонила, – доложила она.

– Что же ты меня не позвала, – упрекнула Александра.

– Так она сказала, что позвонит позже. А с кем вы во дворе разговаривали?

– Да, какая-то странная тетка ко мне привязалась, интересовалась, сколько я за дом плачу, но я ее быстро отшила.

– Правильно сделали, ходят тут всякие! – возмутилась Зина.

Александра плотоядно уставилась на булькающие кастрюльки.

– Так пахнет вкусно, есть хочу!

– Да, почти все готово. Сейчас вас покормлю, а то вижу, незнакомка вас совсем расстроила, – заулыбалась Зина.

– Поедим, а потом подвал и запасной вход осмотрим, может, там бумаги найдем.

Зинаида тайком вздохнула, «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало» и нехотя согласилась.

В кабинете релаксации зазвонил телефон.

Александра взяла трубку и услышала голос Марфы. Она уже хрипела не так сильно, как утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.